

18+

Александр Уваров

ПЛЕННИКИ ТЕМНОЙ ВОДЫ

Александр Уваров

Пленники темной воды

«Издательские решения»

Уваров А.

Пленники темной воды / А. Уваров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980365-8

В 1980 году на верфи «Мейер» в немецком городе Папенбурге был построен паром, который через четырнадцать лет вошел в историю под именем «балтийский Титаник». В ночь с 27 на 28 сентября 1994 года паром «Эстония» затонул в штормовом Балтийском море на полпути между Таллином и Стокгольмом. Это, пожалуй, единственное, что известно нам достоверно об одной из величайших трагедий бурных 90-х годов двадцатого столетия. В романе изложена версия событий, предшествовавших катастрофе.

ISBN 978-5-44-980365-8

© Уваров А.

© Издательские решения

Содержание

03 сентября, 1994, суббота, 01.35, окрестности Раннамыйза	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пленники темной воды

Александр Уваров

© Александр Уваров, 2020

ISBN 978-5-4498-0365-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И моря и равнины отчизны моей

Словно тучей накрыты одной

Ду Фу

— 1 —

02 сентября, 1994, пятница, 15.35, побережье Вьянамери

Кот был очень хитрый.

Островной.

На этом маленьком клочке суши, в трёх десятках километров от ближайшего берега, с каменистой просоленной землёй, сжатой в единый монолит стальными корнями древних сосен и давлением сотен веков, что легли на неё слой за слоем, на этом охваченном вечно холодным морем, безжалостно продуваемом со всех сторон ветрами пространстве коту жить было очень нелегко.

Временной отрезок, вместивший всю прошедшую жизнь мохнатого зверька был, конечно, ничтожно мал по сравнению с возрастом этого древнего мира, что, верно, помнил бы и динозавров, если бы довелось им бродить по здешним просторам.

Но в те времена, когда прилетевший из невообразимо далёких глубин космоса метеорит не сгорел, как ему было бы положено, в плотных слоях нашей родной земной атмосферы, а, лишь сильно обгорев по пути, прорвался сквозь неё и ударил в дно древнего моря, динозавры бродили где-то в стороне, по далёкому от тех мест побережью, а их морские сородичи, которые могли бы стать свидетелями рождения острова, были, скорее всего, просто уничтожены всё тем же космическим странником.

«Вот так оно и бывает» сказал бы мудрец. То есть, чьё-то рождение весьма часто бывает связано с чьей-то гибелью.

Мысль, конечно, далеко уж не нова и не оригинальна. Но, сдаётся мне, одним из первых пришла она в голову тем самым обитателям древнего моря, когда возносились они к небу в горячих струях взметнувшейся от взрыва воды и раскалённых облаках пара.

Но подумали они о своём, о печальном, и опочили.

А остров от удара проснулся, встал со своего морского ложа – и медленно побрёл наверх, к солнцу (слабые блики которого смутно виделись ему сквозь толщу морской воды), ветрам, о которых он в те времена и понятия никакого не имел, и облакам, которых он также никогда ещё не видел.

Шёл наверх остров очень медленно, сантиметр за сантиметром.

Не то, чтобы остров был ленивым и медлительным. Просто у них, у островов, так принято. И перемещения в пространстве и движение времени ощущают они совсем по другому. Так что для острова он брёл с вполне приличной скоростью.

Но за время его движения и подъёма из морских глубин произошло много разных изменений.

Динозавры окончательно вымерли (говорят, их тоже сгубил метеорит; ну не везёт динозаврам с метеоритами!), море то уходило назад, освобождая огромные участки суши (если бы в те времена существовали бы государства – вот их правители обрадовались бы такому нечаянному приращению своих территорий), потом вновь возвращалось обратно (если бы в те времена существовали бы государства – их правители были бы весьма огорчены такими крайне несправедливыми территориальными потерями), потом море превратилось в ледниковое озеро, которое периодически исчезало под километровой толщей векового льда, потом исчез и ледник, а потом образовавшиеся проливы соединили озеро с Мировым океаном и оно вновь стало морем, восстановив таким образом свой прежний, на много веков утраченный морской статус.

Незадолго до этого, уже на исходе ледникового периода, остров добрался наконец до поверхности воды (была ли она в ту пору скована льдом или же был редкий для тех суровых времён период короткой оттепели – того я не знаю), поднялся над ней так, как и положено острову, и увидел...

Да, собственно, ничего он не увидел. Был он тогда лишь голым, каменистым кусочком суши (ветрам ещё предстояло принести ему немного земли и семян растений), окружала его ледяная вода доисторического озера (в которой и рыбы то, похоже, не было) и было ужасно холодно.

Впрочем, тяжёлое детство досталось не только этому острову. У многих оно было, это самое тяжёлое детство. Но, по счастью, закончилось.

Стало немного легче.

Отступление ледника и превращение озера в море остров уже успел застать и почувствовать. Вода стала теплей и солоней, в ней появилась рыба (потом её стало даже много), откуда-то с юга прилетели птицы, зимы стали ежегодно сменяться вёснами (потом даже появилось лето). Остров к тому времени подкопил немного земли, оброс деревьями, травами и цветами (которые так красивы и нежны на исходе лета), и жил он так на своём законном месте среди других островов, раскинувшихся на бескрайних просторах юного моря.

А потом появились и люди.

Сначала заселили они землю (что была в трёх десятках километров от острова), потом приплыли и на сам остров и заселили его (он им сразу понравился, хотя суровый нрав природы сохранился на нём с тех древних, доисторических времён), заселили они потом и многие другие острова.

А у моря появилось имя.

И даже не одно.

Стало оно называться Балтийским. И ещё Восточным.

И оттого оно даже слегка заважничало. И то верно – не у каждого же моря есть несколько имён. Ну, хотя бы два.

Потом покрестили и остров. В тот день, говорят, был шторм, оттого вполне можно сказать, что крестины прошли на славу. Огромные волны перекатывались по всему побережью, и брызги от резких порывов ветра летели далеко вглубь суши, так что не осталось на острове ни одного сухого места. Стало быть, крещён он был по всем правилам, погрузившись с макушкой в солёную купель моря. Оттого, быть может, и прозвали его Святым. Дескать, если у него и были до того грехи – так солёной водою смылись.

С тех пор в судьбе острова особых перемен не было.

Дожил так остров до наших дней.

В тысяча девятьсот девяностом году нашей эры, за четыре года до описываемых событий, люди, населявшие остров (а, точнее, семья рыбаков, сдававших ныне один из своих домиков, тот, что стоял на самом берегу, приезжим туристам, которых влекла на остров слава его рыбных

мест и первозданная, после многих лет пребывания в запретной пограничной зоне, тишина и чистота лесов), эти самые люди завели себе кота.

О леднике кот ничего не знал. Не знал он о том, что ледник, отступая из здешних мест, не только всей колоссальной массой своей, сползавшей с юга на север, прочертил глубокие борозды, сорвал и срезал верхний слой земли и обнажил её каменистые недра, но и оставил на память о себе долгие зимы, прибрежные ледяные торосы и те самые пронизывающие ветра (что и среди самого жаркого лета вдруг могут налететь и принести с собой тяжёлые дождевые тучи) от которых коту хотелось свернуться в клубок и никогда, никогда не слезать со своей тёплой полки у самого камина.

Но знал кот точно, что жизнь у него тяжёлая, лето короткое (времена года кот различал хорошо), а подступившая осень не сулит ему ничего приятного, только затяжные дожди, которые сменяются столь же долгими снегопадами.

И, самое главное, едва ли уже приедут те самые туристы, которые столь щедро подкармливают кота в благословенные летние месяцы не рыбой, вовсе нет (удивишь ли рыбой островного жителя?), а бутербродами с восхитительно нежной (и совсем не солёной!) ветчиной, а так же карбонадом и колбаской.

И чувствовал кот своим тонким островным чутьём, что те самые туристы, которые беспечно дремлют сейчас возле своих удочек, те самые туристы, что оставили свои сумки в машине с настежь открытыми дверями (как расслабляет подчас жизнь на острове), эти самые туристы – последний в этом сезоне шанс для него украсить свою жизнь приятными гастрономическими воспоминаниями.

Но кот был хитрый.

Островной.

Он не лез напролом, подобно многим другим котам и кошкам, коим судьба даровала куда более радостное и спокойное существование, но не даровала природного разума и тяжёлых жизненных условий, стимулирующих развитие этого самого разума.

Кот не стал легкомысленно рассчитывать на то, что разморенные рыбалкой и ласковым солнышком ранней осени туристы будут спать и ни разу даже не посмотрят на свои драгоценные сумки.

Нет, кот вовсе не был так наивен. Уж он то знал, какие в жизни иногда бывают нелепые случайности, после которых и на душе и в желудке остаётся лишь досадная пустота.

Кот подбирался к машине по сложному, но точно выверенному маршруту. Залегал, исчезая в траве, поднимался и вновь крался, не спуская глаз (и как это только у него получалось?) и с пакета с чем-то очень вкусным, который так соблазнительно выпирал из раскрытой сумки, и с туристов, что всё также сидели неподвижно в шезлонгах, охваченные сладкой дремой.

И, когда до открытой двери оставалось уже совсем немного, метра два, почти на один выверенный бросок, и случилась злой судьбой подброшенная неожиданность, непредвиденный и неприятный случай из числа тех, что преследовали кота всю его нелёгкую жизнь.

Сначала кот услышал звук подъезжающей машины (и сразу понял, что приличного обеда сегодня не будет), потом увидел и саму машину, что не подъехала даже, а влетела на галечную площадку у старого, деревянного причала, взметнув колёсами камешки и подняв целое облако белой пыли, похожей на мелко смолотую муку.

Пыль эта не успела ещё осесть на землю, как из машины выскочил человек и побежал к туристам (которые успели уже проснуться и привстали в своих шезлонгах; один из них, показав пальцем на подбегающего человека, сказал что-то двум другим, и звук голоса его только усилил то чувство тревоги, что возникло вдруг на безмятежном островном пляже).

Кот достойно принял своё поражение.

Он не стал метаться, в отчаянии прыгать за добычей и протестовать против несправедливости судьбы громкими воплями.

Он спокойно развернулся, не спеша отошёл в сторону и присел, демонстративно повернувшись спиной к машине (но при том продолжал поглядывать назад, чётко фиксируя все события, что происходили сейчас на берегу).

А человек подбежал к туристам (которые не только уже встали, но и поспешно сворачивали свои рыбацкие снасти и складывали шезлонги) и, парой вдохов восстановив дыхание, сказал одному из них, склонившись к самому его уху :

– Они обратятся с предложением... Через неделю, не позже. У них есть план по коридору...

– Кто с ними разговаривать будет? – спросил подбежавшего турист, аккуратно складывая спиннинг. – Нужны условия. С их то процентами.

– Видимо, будут, – ответил подбежавший человек и, показав на автомобиль, в котором приехал, добавил :

– У них есть план. Отработанный план по условиям. Со мной их представитель. Прилетел вчера. Есть полномочия для обсуждения. Детали – у него.

– Он же и начнёт переговоры? – спросил турист, складывая спиннинг в растянувшийся карман рыбацкой куртки.

– Нет, его информация для нашей группы. Обсудим здесь, на острове. Главный переговорщик приедет в течение недели. Он и пойдёт на контакт.

– А если сорвётся?

– Тогда...

Человек, тот, что подбежал к туристам, задумался на долю секунды, словно подбирая подходящую случаю фразу, и закончил :

– Тогда их план и работает. Но лучше бы без него.

– Безголовые, – заключил турист и пошёл к своему автомобилю.

Двое других, переглянувшись, пошли за ним, волоча по прибрежным камешкам сложенные шезлонги.

Стих звук отъехавших машин.

Осела пыль, вновь поднятая резко сорвавшимися с мест колёсами.

Кот медленно обошёл то место, на котором стояли шезлонги (тут, по счастью, не пахло бензином, запах которого коту очень не нравился), внимательно осмотрел его.

И понял, что жизнь его не так уж плоха, как может подчас показаться.

Улов свой, три рыбки в красном пластмассовом ведёрке, рыбаки оставили на берегу.

Хотя, честно признаться, это, конечно, не бутерброд...

– 2 —

02 сентября, 1994, пятница, 17.15, Таллиннский залив

Подул ветер, сначала чуть заметно, потом всё сильнее и сильнее.

Парус, который минуту назад почти совсем уже сник и безжизненно повис на мачте, встрепенулся, подлетел вверх и, гордо выпятив вперёд свою бело-красную грудь, уверенно потащил яхту за собой, разгоняя её всё быстрее и быстрее.

Мелькнули вдали зелёные бока острова Аэгна, уже с проглядывающей кое-где первой осенней красно-рыжей полоской. По краю острова, по береговой его линии, чуть видная вдали, прошла пенная полоска прибоя – и растаяла, исчезла, растворилась бесследно в длинных жёлтых откосах песчаного берега.

Ветер свежел и порывы его становились всё более резкими и сильными..

– Ну вот, дождались, – сказал Вильяр, и, показав на парус, добавил :

– Натянулся, как майка на животе у дяди Пеэтера.

– Он что, любил покушать? – спросила Лииза. – А мне кажется, что наш парус просто зазнался. Такой красивый и сильный. И чем-то теперь похож на индюка.

– Дядюшка Пеэтер от природы был полный, – ответил Вильяр, вцепившись в штурвал, который, по мере ускорения хода яхты всё сильнее и сильнее рвался из его ладоней. – И добродушный. Конечно, парус у нас не такой. Он своенравный. Почти полдня висел как тряпка, а к вечеру решил прыть показать. Нет, парень, недолго нам сегодня осталось плавать. Ещё один круг – и к Пирита. О, чёрт! Яхту бы удержать!..

– Осенью море опасно, – сказа Лииза и голос её погрузнел. – И стемнеет скоро. Наверное, это последний наш день, который мы проводим наедине с морем. Потом будем сидеть дома, смотреть на мокрые, грустные окна и считать дождевые капли.

– Да, очень печально, – сказал Вильяр. – Зато безопасно. Хотя за всё лето раза два на яхте в море выходили. Маловато в этом году приключений...

– Ну уж нет, – строго сказала Лииза. – Не говори так! А то накличешь ещё...

Вильяр хотел уже отшутиться («ну и суеверная же ты, тебе бы не рекламным агентством руководить, а гороскопы составлять!») как трель звонка, непрошенная, неожиданная и резкая, долетела из спортивной сумки, брошенной им ещё утром на корме и совершенной забытой.

– Ну вот, мобильный я не отключил, – досадливо поморщился Вильяр. – Лииза, ради бога, послушай и ответь что-нибудь за меня. И если это звонят с работы – сообщи им, что я упал за борт и в настоящий момент добираюсь до берега вплавь. Так что раньше понедельника поговорить ни с кем не смогу.

– Ты опять? – снова нахмурилась Лииза, но на этот раз уж явно притворно (обижаться на Вильяра было просто невозможно). – Ты просто искушаешь судьбу своим глупыми шутками. Пожалуй, нужно и вправду составить для тебя гороскоп...

И, перебравшись на корму, она достала из сумки телефон.

– Это ты, Пааво? – она выразительно посмотрела на Вильяра и продолжила, – нет, он просил передать, что упал за борт. Но для тебя сделает исключение и обязательно с тобой поговорит... Да, уже возвращались... Что? В офисе? Через три часа? Да, я передам. А почему так поздно? Боже мой, какой у вас ужасный бизнес... Эти ваши транспортные проблемы возникают круглосуточно. Да, уже возвращаемся.

Лииза отключила телефон.

Присела у борта и, положив на него ладонь, минуты две смотрела на бегущие мимо неё волны.

– И что там говорил старый друг Пааво? – спросил Вильяр. – Отчего ты погрузнела? Что ещё он там придумал на выходные?

– Кажется, судьба тебя услышала и решила подарить тебе немного приключений, – ответила Лииза. – Не понимаю, что там у вас на фирме происходит, но Пааво просил передать, что нужно срочно решить какой-то вопрос и тебе необходимо подъехать в офис не позже, чем через три часа. И обсудить это по телефону просто невозможно. Что, русские опять придумали новые таможенные правила? Будут конфисковывать все трейлеры с эстонскими номерами?

– Узнаем, ангел мой, узнаем, – ответил Вильяр. – Но если Пааво сорвал мне отдых только для того, что рассказать новый анекдот – я как минимум дня три не буду с ним разговаривать. Страшней наказания я придумать для него не смогу. Да, теперь уже точно двигаемся к Пирита...

И он повернул штурвал.

– 3 —

02 сентября, 1994, пятница, 18.10, остров

– Как звать вас прикажете, уважаемый? – спросил Сергей Петрович, разливая ароматный, свежесваренный суп по глубоким тарелкам с резными краями. – Вы уж простите, что вот так, с ходу, вопросы вам задаю. Гостя покормить сначала положено, потом вопросами мучить. Но и вы нас тоже сорвали. Отсюда делаю вывод: время не терпит. Так что простите, поймайте и представьтесь.

– Михайлов, Дмитрий Алексеевич. Вас наверняка уже заранее информировали о моём приезде. Представитель торговой компании...

– Давайте без ваших прикрытий, Дмитрий Алексеевич, – прервал гостя Сергей Петрович. – Я, к примеру, вообще пенсионер. Одиноким пенсионер, который проводит свой досуг с друзьями на этом вот острове и с утра до вечера ловит рыбу. Но вы то не к пенсионеру-рыбаку приехали? Так что расскажите мне, по возможности коротко и откровенно, кого вы тут представляете, с какими предложениями приехали вы и с какими предложениями приедет ваше руководство. И что это вы тут за план напридумывали. Об этом вообще хотелось бы поподробней узнать.

Гость медленно и аккуратно придвинул к себе наполненную до краёв тарелку.

Вопросительно кивнул на окно.

– Ни телефонов, никаких линий связи, – ответил Сергей Петрович. – Кроме нашей. И место контролируется. Так что – начистоту.

– Хорошо, – ответил гость. – Человека, который прибудет для переговоров, зовут Лебедев Владимир Михайлович. Он генеральный директор компании «Балтик Транзит», основное направление деятельности – экспорт цветных металлов с перевалкой через балтийские порты. У компании есть представительство в Таллинне. Адрес и координаты я передам. Официально предмет переговоров – подписание договора с терминалом на обработку экспортных грузов.

– А что он привезёт для нас? – спросил Сергей Петрович.

– Непосредственно с вами он контактировать не будет. При необходимости – связь через меня. Он выйдет на тех людей, которым вы передали товар...

– И запросит свой процент? Весело придумали. Может, прямо на меня сошлётся? Дескать, позвонил мне в Москву пенсионер Корнуков, уволенный из славных наших органов в девяносто втором году, и сказал он, что собрались в одной маленькой балтийской республике славные ребята. Тесным кружком. И решили, в духе, так сказать, времени, заняться международным бизнесом. Вот только бизнес у них получился какой-то очень специфический. Хотя и доходный. И мечтают эти самые ребята процент хороший кому-нибудь отстегнуть. Наверное, за красивые глазки и добрые слова. И что же пенсионер Корнуков при этом посоветовал? Приехать в эту славную балтийскую республику и самому убедиться в добрых намерениях этих самых ребят. Не так ли?

– Иронизируете, Сергей Петрович?

– Что вы, Дмитрий Алексеевич. Пытаюсь проследить ход ваших мыслей... Водочки? Перед обедом?

– Не возражаю. Боюсь, правда, поведёт. Я, знаете ли, сегодня с утра на ногах. И со вчерашнего дня отдохнуть толком не могу. С аэропорта – и всё в разъездах. В гостиницу часа на три заглянул...

Сергей Петрович улыбнулся понимающе («как же, служба»), встал из-за стола.

Степенной походкой подошёл к кухонному шкафчику, раскрыл скрипучие дверцы.

Две рюмки матового стекла выставлены были на стол. Из холодильника извлёк хозяйин запотевшую, со знанием дела охлаждённую бутылку водки («Столичная» с некоторым удивлением отметил про себя Дмитрий Алексеевич), и загустевшая от холода жидкость разлита была по рюмкам.

– Ну, Дмитрий Алексеевич, как говорится... За ваш приезд и его успешное завершение?

– Давайте за это. И за то, чтобы для нас для всех это закончилось удачно... и спокойно.

Оба выпили залпом.

Как положено.

И поставили рюмки на стол.

Как же однако обманчива холодная водка! Сначала ледяной водой проходит она по горлу и кусочком льда падает в пищевод. Но миг – и лёд сменится огнём, и вспыхнет он и запылает на всём пути, по которому прошла эта странная, изменчивая, коварная жидкость.

И всегда удивителен бывает этот переход одних ощущений в другие и этот мгновенный, неуловимый переход между различными состояниями тела и души.

Не вкусом сладка водка, а изменчивым нравом своим и тем, что способна продемонстрировать наглядно любому, что иллюзорно всё в этом мире и форма не всегда, далеко не всегда соответствует содержанию и бытие, выпитое одним лёгким глотком – огнём может стать, пламенем палящим.

– Ничего? Не холодная?

– В самый раз, Сергей Петрович, в самый раз. Смотрю, «Столичной» балуетесь. Новомодным, импортным не доверяете?

– Не меняю я вкусы, Дмитрий Алексеевич. Равно как и убеждения. Ну, пробуйте суп, рассказывайте, чего добавить. Соли? Перца?

Гость поднял ложку. Попробовал.

– Ещё бы по рюмочке, Сергей Петрович. Больше ничего этому супу не надо. Сами готовили?

– Да. Супруга на даче осталась. Приболела немного, со мной решила не ехать. Возраст у нас уже. Как осень – так обострения. То суставы прихватит, то голова болит. Я вот, больше уже по старой памяти, всё на рыбалку сюда приезжаю. Ещё с советского времени...

– Остров тогда вроде закрыт был.

– Не для нас. У нас с пропусками в погранзону проблем никогда не было.

– Ах, да... Пограничники когда-то в вашей конторе состояли.

И Дмитрий Алексеевич улыбнулся, широко и беззаботно.

– Смешное что-то вспомнили?

– Да вот, Сергей Петрович, смотрю я на нас и думаю: странный мы всё-таки народ. И время вроде нас поджимает и материи серьёзные обсуждать собрались, а не можем без того, чтобы выпить, закусить и непременно о жизни поговорить. Ну не можем мы без человеческого общения. Не можем!

– Без человеческого общения никуда. Тем и держимся. Вот вы не забываете меня, проводываете иногда. Пропать не даёте. Плохо разве?

Дмитрий Алексеевич согласно кивнул. Не забываем. Пропать не дадим. И одного не оставим.

– Ну что, давайте к делу вернёмся, Сергей Петрович?

– Излагайте, излагайте... И кушайте. А то суп остынет.

– Ситуация у нас следующая...

Дмитрий Алексеевич секунду помолчал, словно собираясь с мыслями. Помешал ложкой в тарелке. Потом продолжил.

– ... Точное время отправки партии нам неизвестно. Этот момент мы пока не отработали. У вас, понятно, доступа к подобной информации тоже нет. Но, с божьей и вашей помощью, сам факт сделки нами установлен. И то, что поставка готовится – так же несомненно. По нашим оценкам, крайний срок для поставки – начало октября.

– Откуда сие узнали? По календарю вычислили?

– Всё проще, Сергей Петрович. Обошлись и без календаря и без перехватов. Простой житейской логикой. В целом вывод войск практически завершён. Демонтаж установок – август, начало сентября. На днях наши представители подпишут акт о демонтаже. По документам,

как вы знаете, оборудование до двадцать пятого сентября уйдёт в Россию. Местные выждут от силы недельку – и засветятся с нашим товаром.

– Почему неделю? Не месяц, например?

– Во-первых, им нужна валюта. И как можно быстрее. И для личных целей, и для ведомственных, и просто задницу прикрыть. Аппарат у них молодой, растущий, и передел сейчас у них идёт – не хуже, чем у нас. Во-вторых, им надо показать своим зарубежным партнёрам, что у них есть реальные предложения по поставкам оружия. Вы же знаете, некоторые за бугром сомневаются: всё ли взяли, всё ли оставили... А тут – быстрая поставка и, что самое главное, уже после вывода войск. Значит, мешок не пустой и реальные предложения имеются. В-третьих, им надо будет показать эффективность работы «балтийского коридора». Одно дело – металл отгружать, пусть даже и судовыми партиями; и совсем другое – отгрузка такой специфической продукции. Причём самостоятельно, без прикрытия. И, опять таки, побыстрее постараются заработать репутацию надёжного поставщика. Государство же молодое, торговать не терпится. Кроме того, ведомственный престиж: «русские ушли – мы и без них прекрасно обошлись, хотя и начали с нуля», примерно такая логика. Быстрой и успешной поставкой они докажут свою способность самостоятельно проводить масштабные спецоперации. И цена им, соответственно, будет уже другая. Вот такая вырисовывается картина.

– Они... Имеете в виду КАПО? Или военную разведку?

– По нашим данным, безопасность операции обеспечивает МВД. Внешнеполитические контакты осуществляются по линии МИД. Военная разведка здесь пока не засветилась. Так что делайте выводы.

Сергей Петрович призадумался.

Потом посмотрел лукаво на гостя и, словно в шутку, погрозил ему пальцем :

– А вы, друзья сердешные, обрубить им бизнес решили? Дескать, и партнёры они ненадёжные и вообще без нас не справляются. Так, что ли? И их контакты замкнуть на себя?

– Не совсем так, Сергей Петрович. Мы же не варвары и бизнес людям не гробим. Пусть везут на здоровье. И эту партию и все последующие. Мы им даже поможем. Поучаствуем.

– И Лебедев этот ваш условия участия приедет обсуждать? И какие же они, если не секрет? И как же он всё-таки объяснит своё появление?

– Условия следующие: двадцать процентов по этой сделке, десять процентов по всем следующим. Мы делаем коридор на своей стороне, они – на своей. Плюс наши поставки с их перевалкой. За перевалку мы рассчитываемся отдельно, можно зачётом из процента. Плюс наша страховка и прикрытия по всему маршруту перевозки.

– Проще говоря, «крыша» в обмен на процент. Видели мы уже такое и слышали не раз. Как убеждать будете? Парламент подпалите или премьер-министру будете живот утюгом жечь?

– Убедим, Сергей Петрович. Даже в самом худшем случае убедим. Даже если очень сильно упрутся. Есть у нас один... аргумент. Но об этом позже. Не сейчас. А выход свой господин Лебедев объяснит очень просто: по легенде он представитель мощной коммерческой структуры с лёгким криминальным душком, имеет связи в правительственных структурах. Из их МИДа прошла утечка о готовящейся сделке, в наш МИД прошёл доклад из посольства. Все необходимые записи имеются. Кстати, всё вполне реально, и имена, и разговоры. После вашего июньского сообщения удалось неплохо разболтать одного дипломата на приёме...

– Дальше.

– А дальше всё еще проще. За день-два до визита «сольём» информацию об утечке через их посольство в Москве. МИД запаникует, начнёт копать по своей линии... Вы у них не светились?

– Боже упаси!

– Ну и хорошо. Быстро выйду на этого дипломата, проверят степень его осведомлённости. И задёргаются. Возможно, и КАПО подключится. Но к ним информация придёт через

МИД. Таким образом, канал они отследят чётко и ваше алиби, дорогой Сергей Петрович, будет практически стопроцентно обеспечено.

– А наш сегодняшний контакт?

– Всё чисто, Сергей Петрович. Я сейчас в гостинице. Зарегистрировался, получил ключ.

Лежу в номере, отдыхаю, смотрю телевизор. Всё чисто, не волнуйтесь.

– Ну хорошо. Допустим, мужики вы серьёзные. Так что же с Лебедевым этим?

– Как я уже сказал, Владимир Михайлович – руководитель крупной коммерческой структуры, имеет связи соответствующего уровня. Нейтральный посредник на деликатных переговорах. Официально ни с правительством, ни со службами не завязан. Всё на личных контактах. Просто к нему обратились с просьбой друзья, а он друзьям не отказывает. Вот и приехал кое-что обсудить и кое-что предложить.

– Схема понятна. В общем то, ничего слишком сложного. И местные довольно быстро вас вычислят. Они ведь тоже коммерческие «крыши» всю используют. Всё у вас красиво, всё гладко. Но вот только сомневаюсь я...

Гость опрокинул залпом вторую рюмку, зажмурился блаженно на секунду, вновь открыл глаза, и отодвинул в сторону пустую тарелку.

– Вкусный у вас суп, Сергей Петрович. С грибами и курятиной?

– С ними самыми. Мой рецепт.

– Отменный вкус, оригинальный. Честно говоря, даже и не думал, что это так хорошо сочетается. Одного не могу понять: вы рыболов известный, так отчего же не уха на столе?

– Уж не гневайтесь, Дмитрий Алексеевич, улов на берегу забыли. Так быстро сорвались. А вчера и не ловилось ничего.

– Так это я вас сорвал? И рыбалку испортил и ухи лишил? Ну, это ж мне извиняться надо, Сергей Петрович...

Хозяин махнул рукой («это ещё ерунда и мелочи... нам теперь всем не до рыбалки будет») и жестом радушного хозяина вновь взялся за горлышко бутылки.

– Ой, нет, извиняюсь, Сергей Петрович! На сегодня я свою норму уже выпил.

– А вы знаете, как иногда говорят? «Я свою норму знаю, да разве же столько выпьешь?»

– Это не про меня. Я и в самом деле, что называется, «поплыву» и с малой дозы. Проверено. Да, кстати... Чего же вы всё сомневаетесь?

– Да процент у вас... не божеский. Вы же такими условиями местных под себя подгрёбаете.

Гость посмотрел на часы. Развёл руками.

– Время, Сергей Петрович. Моральные аспекты потом обсудим. Давайте о вашей работе поговорим...

– А я то, по наивности своей, подумал, что аргумент этот свой выложите.

– Какой?

– Да на который намекали. Должен же я знать, куда вы меня тянете.

И тут Сергей Петрович почувствовал явную перемену в настроении гостя.

Не напряжение даже, не искру пробежавшую. Натренированным чутьём ощутил он, что гость, словно не добродушный уже и чуть захмелевший человек, а какая-то потревоженная змея, начал сжиматься в тугие, пружинные кольца – и яд потёк в полые зубы.

«Что-то я тут тронул не то» подумал Корнуков. «Гляди, как напрягся. Прямо бросится сейчас».

Гость улыбнулся. В очередной раз за эту встречу. Но теперь улыбка его стала кривой и напряжённой.

– Вот об этом не надо, Сергей Петрович... И тему эту лучше не трогайте. И слово... лишний раз... вы понимаете? Давайте лучше о том, что касается непосредственно вас.

– 4 —

02 сентября, 1994, пятница, 20.00, Таллинн

Лёгкий ветерок задувал в открытое окно.

Жалюзи чуть заметно раскачивались и стучали по стеклу.

В опустевшем офисе было тихо, только с улицы долетали звуки проезжавших машин, приглушённые расстоянием голоса прохожих и изредка, когда шум улицы ненадолго затихал – шелест осенних листьев.

«Уже желтеют» подумал Пааво. «С этой работой не только дни, целые времена года пролетают незаметно».

Срочный вызов. Ему до сих пор было трудно привыкнуть к этим бесконечным, внезапно начинающимся (и подчас столь же внезапно обрывающимся) гонкам.

Ему (как и многим его коллегам, но не тем, которыми он встречался каждый день в суете и круговерти офисной жизни, а тем, другим, с которыми он был связан незримыми, но именно от этой незримости чрезвычайно прочными нитями) до сих пор так трудно давался этот стремительный переход из одного состояния в другое, из одной жизни, размеренной и вялотекущей, словно вода в заросшей лесной речушке, к другой, проносимой иным, быстрым и извилистым потоком.

Срочный вызов. Момент перехода. Таинство иного бытия.

«Таинство... Чепуха. Представим, что у меня просто сверхурочная работа. Мне нужно подготовить факс. Срочный факс. В пятницу я не успел. Перенёс работу на выходные. А почему бы и нет? Мне нужен ответ в понедельник, с утра. И вот теперь все разошлись по домам, а я сижу тут и думаю: и какого чёрта я не успеваю всё делать вовремя?»

Где-то вдали хлопнула дверь. Звук шагов. Всё ближе и ближе.

Свернул. Идёт по коридору. Подходит к двери.

«Наш огорчённый друг Вильяр. Добро пожаловать».

Открылась дверь.

– Пааво, что за шум? Что там творится в нашей благотворительной конторе?

– Здравствуй, здравствуй, Вильяр. И я рад тебя видеть.

Вильяр бросил сумку на кресло и подошёл к столу.

– Ну, и кому я обязан сорванными выходными?

– Ты не поверишь, Вильяр, на этот раз одному парню, который клянётся, что связан с русским посольством.

Вильяр потёр лоб, вспоминая что-то очень, очень знакомое, что забылось лишь на короткий срок, но недавно ещё преследовало неотвязной, не уходящей мыслью.

Потом он подошёл к окну, закрыл его.

Опустил до конца жалюзи.

Быстро прошёлся по комнате, вынул штекеры из телефонов и осмотрел розетки.

– Сколько здесь всего телефонов?

– Три телефона, три розетки. Модемов здесь нет, компьютеры обесточены.

– Пааво, я же просил тебя! Отключай эту чёртову технику заранее.

– Хорошо, Вильяр. Извини, до сих пор сижу в офисе транспортной конторы. Так ты кого-то вспомнил, я вижу?

– Дмитрий. По крайней мере, он так представился. Выходил на контакт. Мы уже начали было его разработку недели две назад, потом приостановили.

– А причина, позволь спросить?

– Старик распорядился. Решил, видно, что пустышка. Хотя, насколько я помню, этот парень – сотрудник одной частной охранной фирмы. Они же расплодились сейчас... И минимум в половине – бывшие гэбисты. И кто там отсиживается – один Господь ведаёт. Я бы

в любом случае с этим парнем поработал, но Старик решил силы не распылять. Всех на эту сделку переключил... А теперь, видно, передумал? Это Дмитрий вышел на связь?

– Точно не знаю. Просто Старик просил связаться. Как обычно, через секретаря. Звонить – строго из таксофона. Этот офис не «засвечивать». Дальше проинструктируют. Ну, что, и впрямь похоже, что это твой старый знакомый вновь объявился...

– Хорошо, сейчас позвоню. Ну что, господин менеджер, что прикажете передать моей бедной супруге, чей отдых был столь неожиданно прерван вашим звонком?

– Тысячу извинений, Вильяр. И столько же дружеских поцелуев. Но, между прочим, кто-то мне роскошную морскую рыбалку обещал... Не припомню только, кто именно. Но, кажется, одного из них звали Вильяр. А вторую...

– Всё, готовь удочки. Следующие выходные за мной.

Вильяр взял сумку и подошёл к двери.

– Телефоны сам подключишь?

– Уж справлюсь. Давай, беги.

Вильяр вышел. Шаги его удаляясь, затихли. Вновь чуть слышно хлопнула дверь.

Пааво, подняв жалюзи до середины окна, смотрел на улицу.

В сумраке размытый силуэт мелькнул под фонарём – и исчез.

Снова стало тихо. Словно и не было ничего.

А разве кто-то заходил? Что вы, уже так поздно. Влажный воздух, туман всё плотней и плотней. Возможно, ночью будет дождь. Осенний, мелкий, насквозь пропитывающий тяжёлую землю.

Все сидят по домам. Всё тихо и спокойно.

«Кажется, и завтра мне отдых не грозит» подумал Пааво. «И хорошо, если выспаться удастся. Служба, служба...»

Вильяр пересёк улицу.

Посмотрел на часы.

Восемь часов двенадцать минут.

До таксофона – минут десять быстрым шагом.

Мобильный отключён. Так спокойней. Ведь на него могут позвонить. И отследить звонок.

Сразу после того, как Дмитрий попытался выйти с ним на связь, у Вильяра появилось чувство (именно чувство, поскольку никаких подтверждений тому пока не было), что его взяли под довольно плотный «колпак», отслеживая почти все его перемещения. Кто именно его ведёт (да и ведут ли вообще) – он не мог сказать с точно. Пару дней он проходил под контролем наружного наблюдения – но и они ничего не обнаружили. Разве что отслеживали его дистанционно, с большого расстояния... Но как бы тогда эти неведомые «некто» смогли бы проследить все (именно все) его перемещения? Все контакты, даже мимолётные?

Или, может быть, действовали профессионалы очень высокого уровня.

Если, конечно, это не мания преследования...

Вильяр знал, что сотрудники КАПО (из тех, конечно, кто уже успел «засветиться», и за исключением разве что уборщиц, хотя и относительно их – кто знает...) находятся под наблюдением.

Под наблюдением... Но чтобы под плотным «колпаком»?

Чьим именно? Да мало ли охотников.

У одной только России хватит организаций (СВР, ФСК, ГРУ), чтобы устроить отдельным сотрудникам эстонской полиции жизнь интересную и разнообразную. С множеством не слишком приятных хлопот.

Да ещё и в ситуации, когда российские спецслужбы (бывшие республиканские МВД и КГБ) официально свернули свою деятельность в независимой Эстонии и российская армия (с её особистами и спецназами) выведена практически полностью на свою историческую

родину (хотя, кажется, до сих пор русские цепляются за Палдиски... или прячут там чего то? вот это бы проверить...) цена информации совсем другая.

В такой ситуации... Ваши действия? Правильно, переключитесь на агентурную работу. Оставить своих людей. Легализовать их. Создать агентурные группы. А дальше...

Вот именно, что дальше? Есть задачи очевидные, которые русские обязательно постараются решить: работа по разведке и службе безопасности, система охраны границы, армия, таможня... Кстати, транспортный «коридор» наверняка постараются прощупать. Рядом – Петербург, чуть дальше Москва, транспортные магистрали, железная дорога, отлаженные маршруты.

Что ещё? Возможно, постараются подобраться к политикам, журналистам.

Но главное – постараются закрепится, сохранить позиции. Создать группы влияния. Пусть даже незаметные. Пусть даже «спящие». В Эстонии до сорокового года никто не воспринимал коммунистов как реальных претендентов на власть (хотя и опасались как наиболее опасных политических экстремистов). После подписания Тартусского договора, со второго февраля тысяча девятьсот двадцатого года, и потом, после разгрома коммунистического подполья и казни Кингисеппа (чёрт! чуть под машину не попал! сколько время? быстрее, быстрее!) всем казалось, что независимость надёжно обеспечена. Совсем избавиться от кремлёвской агентуры не удалось, но на масштабные акции она, казалось бы, уже не способна...

Но вот минуло девятнадцатое августа тридцать девятого года (так, здесь свернуть и до угла, а там уже метров двадцать не больше... и любят же некоторые фирмы офисы на окраине города делать... вот в центре таксофоны на каждом шагу...), поделили господа Сталин и Гитлер старушку Европу.

Польша – Гитлеру, Финляндия и Прибалтика – Сталину.

И завертелись колёсики, заработала всеокрушающая машина советских спецслужб.

Правда, в Финляндии русские топорно действовали (ну вот, надо помедленнее идти, а то дыхание собьётся), после первых бомбардировок финских городов даже местные коммунисты добровольцами на фронт записываться стали, сражаться с большевистской «армией – освободительницей».

Но, видно, для Прибалтики сделали соответствующие выводы господа коммунисты. Работали тоньше. Постепенный ввод войск, организация митингов, забастовок. И проснулась их агентура, проснулась...

Всё, дошёл.

Вильяр подождал полминуты, переводя дыхание.

Огляделся по сторонам (всё чисто, улица пуста, машины не проезжают и не паркуются, тихое, заброшенное место).

«А если таксофон не работает? Сколько тут до следующего идти?»

Снял трубку. Гудок. Работает таксофон. И то хорошо, хватит бегать...

Он помнил номера наизусть. Основной и два запасных.

Набрал основной.

На третьем гудке трубку сняли. Женский голос.

– Да, слушаю вас.

– Простите, это Хельга?

– У Хельги сегодня выходной. Это Кайрит.

– Ох, простите, Кайрит. По телефону я вечно путаю голоса... Добрый вечер, Кайрит. Это Эйнар. Господин Уускюла просил меня перезвонить... Сожалею, что так поздно. Надеюсь, он не отменил встречу?

– Нет, что вы... Он будет вас ждать. Как обычно. Тёмно-синий «Пежо». Господин Уускюла просил не задерживаться, у него сегодня ужин с деловыми партнёрами.

– Спасибо, Кайрит.

«Чёрт!» подумал Вильяр. «Всё в быстром темпе. Старик явно гонит всю группу. Кто бы мог подумать, что моя работа хуже, чем у разносчика пиццы. И ещё метров триста...»

Он снова побежал. Сердце, едва успев отдохнуть, вновь заколотилось всё быстрее и быстрее, но теперь уже не столько от нагрузки, сколько от нарастающего волнения.

Поворот. Он пробежал вдоль забора, перешёл на другую сторону улицы.

Замедлил бег. Потом перешёл на быстрый шаг. Несколько раз глубоко вдохнул воздух, восстанавливая дыхание.

Замедлил шаг. Всё, теперь спешить некуда. Он на месте. Тротуар – полоса метров пятьдесят длиной. Он идёт медленно. Он прогуливается. Ему некуда спешить. Его пригласили на ужин в ресторан. Уютный ресторан в Старом городе. Или, скажем, в ночной клуб. Он боялся опоздать. Оттого и бежал. Не рассчитал время. И прибежал даже немного раньше, чем это требовалось. У него, скажем, ещё три минуты. Или пять. Он гуляет. Неспешным, размеренным шагом.

Дыхание ровное, спокойное. Он спокоен и счастлив.

Впереди вечер. Счастливый, беззаботный вечер.

Он проведёт его...

Чуть слышный шелест. Рокот. Тёплая волна по спине.

Тёмно-синий «Пежо». Хорошо, что подъехал под самый фонарь. Попробуй-ка в темноте разглядеть цвет и номера. Впрочем, в выборе цвета есть своя логика. Светлые машины более заметны. Лучше запоминаются. За ними проще следить. Даже в темноте..

– Я уж боялся, что ты опоздаешь! Давай в машину.

Вильяр сел. С мягким хлопком закрылась дверь.

– Суматоха, – сказал водитель. – Что, побегать заставили?

И улыбнулся.

– Да, немного, – ответил Вильяр.

«Сзади кто-то сидит. Обращиваться, конечно, ни к чему. Старика здесь, видимо, нет. Да и едва ли он будет лично инструктаж проводить. А водитель – парень улыбочивый. Весёлый. Кажется, он меня уже возил. Две недели назад...»

В салоне тепло. Лёгкий запах табачного дыма.

Тёплый воздух льётся по ногам. Включили подогрев.

«Теперь ещё и ноги вспотеют» подумал Вильяр. «Прямо как в хорошем спортзале. Сначала бег, потом сауна. Интересно, где меня на этот раз высадят?»

Машина кружит по городу. Сначала – в Копли. Несколько поворотов. Разворот.

Теперь они едут к центру города.

Мимо вокзала. Выехали к «Виру»¹.

Дальше, дальше.

Вильяр услышал, как у него за спиной что-то щёлкнуло. Тумблер? Переключатель?

«Проверка? Сканируют?» подумал Вильяр (не то спросил самого себя, не то просто отметил). «Боятся лишних попутчиков? Видно, серьёзно мы дело закрутили...»

Машина выехала на Нарва ментеэ. Прошла мимо Пирита. И, быстро набирая скорость, понеслась вперёд, стремительно перемещаясь в вечернем потоке машин.

И тут он услышал голос. Человек, сидевший на заднем сиденье, заговорил спокойно и медленно. Без смены интонаций и тембра. Он неспешно и равномерно потянул слова, словно магнитную ленту мимо считывающей головки магнитофона.

И только каким-то совсем уж особым чутьём Вильяр ощутил (не понял, а именно ощутил), что человек этот на каком-то подсознательном уровне старается придать своим словам особую значимость. Значимость, которую скрывают за нарочитым равнодушием и размеренностью.

– Встреча завтра, в два часа дня, у Нигулисте. Ваш друг будет одет в лёгкий светло-серый плащ, серые брюки. Светлый галстук с тёмно-синей полоской. Очки. Тёмный кожаный портфель. Выйдет из книжного магазина, пересечёт улицу, пройдёт чуть вперёд, потом вернётся и подойдёт к Нигулисте. У вас он спросит, когда будет ближайший органнный концерт. Скажет, что давно уже хочет отвести своих друзей, приехавших из России, послушать орган в Нигулисте, но всё никак не удаётся, не хватает времени. Беседа будет вестись на русском языке. Полагаю, это составит для вас никаких трудностей. Построение фразы может незначительно варьироваться, пусть вас это не смущает. Ваш ответ: «Насколько я знаю, здесь рядом должно быть расписание. Я и сам нечасто бываю на концертах. Давайте посмотрим, может быть найдётся что-нибудь интересное». После чего отходите к стенду с расписанием. Первоначально ведите разговор на общие темы. Возможно, музыкальные. Если перед Нигулисте будет многолюдно, постарайтесь задержаться у стенда настолько, чтобы дальнейший ваш совместных уход от Нигулисте выглядел естественно. Первичную оценку ситуации проводите самостоятельно. Вам даётся право в любой момент прервать встречу, если вы сочтёте дальнейшее общение бесполезным или опасным. Ваш совместный отход от Нигулисте означает ваше согласие на продолжение встречи. Хорошенько подумайте, прежде чем это сделать. Необходимую информацию об этом человеке вы уже имеете, потому вам есть о чём поразмыслить. Запомните – никто не настаивает на продолжении контактов с этим человеком. Это может быть как крупным выигрышем, так и ловушкой. Не исключено, что это многоходовая операция либо с целью выявления нашей легализованной агентуры, либо с целью организации канала по передаче дезинформации. Либо это изошрённая провокация. Как вы понимаете, я перечисляю только худшие варианты. В лучшем же случае мы можем получить доступ к информации чрезвычайной важности. Если ваше решение положительно – контакт может быть продолжен. Но и в этом случае в течение длительного времени (а его длительность во многом будет зависеть от ваших отчётов и эффективности ваших контактов) вы будете единственным нашим человеком, который будет лично контактировать с Дмитрием. В наихудшем случае вы будете единственным, о котором русские узнают больше, чем им положено знать.

– Вы выступаете как человек, занимающий достаточно высокий пост в крупной коммерческой компании и имеющий личные контакты с представителями специальных служб. Можете намекнуть, что время от времени вы участвуете в выполнении некоторых конфиденциальных миссий в Западной Европе, что даёт вам выход на весьма влиятельных и высокопоставленных сотрудников специальных служб европейских государств. Сообщите ему, что его предложение и представленная им предварительная информация весьма высоко оценена вашими друзьями и они готовы к прямому контакту с ним. Посмотрите на его реакцию. Проведите оценку речи и эмоций. Обращайте особое внимание на детали. Мельчайшие детали. Во время первой встречи ничего действительно ценного вы от него не получите, но ценность самого контакта оценить, полагаю, сможете. Когда он изложит свои требования, попросите его доказать серьёзность его намерения сотрудничать с нами. Спросите его, как он сам представляет себе наше сотрудничество. Какого рода информацию он готов нам поставлять. На чём базируется его уверенность в том, что мы заинтересуемся этой информацией. Разговор должен идти спокойно и непринуждённо. С вашей стороны должны преобладать вопросы. С его стороны – ответы. Маршрут и продолжительность встречи – по вашему выбору. По окончании встречи вам надо будет выйти к гостинице «Виру», со стороны парка Таммсааре. Вас будут ждать. К вечеру просим вас подготовить отчёт. Возможно, он потребуется руководству в тот же день. В первом отчёте прошу вас воздержаться от глобальных выводов. Только предельно точное описание встречи и краткое резюме. Есть ли у вас ко мне вопросы?

Вопросы? Конечно, очень много вопросов. Например, кто дал санкцию на проведение этой встречи. Где досье на этого Дмитрия и почему участники операции до сих пор с ним не ознакомлены. Почему не выдан ска...

– Да, меры безопасности. Мы не забыли об этом.

Предугадав его вопрос, человек на заднем сиденье (конечно, Вильяр не мог этого видеть, но почувствовал... так иногда бывает – и затылок обретает глаза) улыбнулся, довольный своей проницательностью.

– Сканер получите у водителя. Перед тем, как покинете машину. Вопросы?

«Сейчас задавать бесполезно» решил Вильяр.

– Вопросов нет.

– Вас не слишком тревожит ваша завтрашняя встреча? Считаете её безопасной?

«Если бы...» подумал Вильяр.

– Нет, я не считаю эту встречу безопасной. В конце концов, мы можем иметь дело с провокатором или сумасшедшим. Первое – значительно хуже.

– Полагаю, – сказал человек на заднем сиденье, – вы поможете нам внести ясность в этот вопрос.

И, обращаясь к водителю, сказал :

– Возвращаемся в центр. Остановимся у «Русалки»¹.

У ближайшего светофора машина развернулась – и жёлто-оранжевые огни города вновь поплыли навстречу, всё ярче проступая сквозь туманную вечернюю мглу.

Теперь они ехали по той стороне дороги, что обращена к морю и в кондиционированный воздух салона стал постепенно проникать едва заметный запах влажного, солёного морского ветра.

Скрипнули тормоза. Машина, по инерции качнувшись вперёд, остановилась.

Водитель протянул Вильяру небольшой кожаный портфель. Чёрный, строгого офисного стиля.

«Остроумно» подумал Вильяр. «Очень идёт к спортивной одежде».

– Вы не возражаете, если я переложу содержимое в свою сумку?

– Разумеется, – ответил человек на заднем сиденье. – Сами закрепить сможете? Под одеждой?

– Смогу, – ответил Вильяр. – Я уже работал с такой аппаратурой.

– Хорошо, – сказал человек на заднем сиденье.

«Да, серьёзно Старик отнёсся к Дмитрию. Что-то почувствовал... Или узнал?»

Он посмотрел на часы.

Восемь часов двадцать две минуты.

«Теперь ещё к машине возвращаться. Ну что за выходные, сплошная беготня...».

Уже выходя из машины Вильяр отметил (машинально, просто по привычке отмечать все необычные детали в окружающей обстановке, особенно во время таких ответственных встреч), что человек, проводивший инструктаж, по эстонски говорил как-то уж слишком правильно. Слишком ровно. С какой-то безжизненной интонацией.

Неестественно.

Как будто он старался скрыть акцент?

– 5 —

02 сентября, 1994, пятница, 21.45, вилла в Клоогаранна

– Нет, со всей определённостью!..

Тёплая, густая, смолисто-янтарного цвета жидкость. Не переливается – скатывается с края бутылочного горлышка. На широкое дно стакана – медленно, нехотя.

Все правила нарушены. Виски не пью быстро.

Благородный напиток ласкает горло. А не раздражает его, словно лезвие. Он не терпит резкости. Суеты.

Он ценит сдержанность. Медленно, но чётко выговариваемые фразы. Тщательно подобранные, подогнанные, плотно составленные слова. Ничего лишнего. Ни грамма воды. Только крепость. Весомость. Густота.

– Со всей определённостью заявляю вам – это шантаж!

– Но...

– Недипломатично? Некорректно? А знаете, друг мой, я сыт по горло этими глупыми правилами. Да, глупыми! А совершенно, я абсолютно не понимаю, почему мы должны следовать правилам хорошего тона при общении с дикарями. Даже хуже, чем просто с дикарями – с каннибалами, жестокими, алчными, безумными каннибалами, лишёнными даже малейших представлений о морали. Ах, да! Мораль, реализованная в рамках имперского сознания – штука чрезвычайно специфическая. Хотя в данном случае речь идёт о сознании явно бандитском...

– Но это, по моему, слишком резко. Подобные рассуждения...

– Безосновательны? Это ты хотел сказать?

– Именно. И мне...

– Ах, Гуннар, мне ли не знать этих людей. Вам, небожителям, в вашем удобном, бесконфликтном, обустроенном академическом мирке и в дурном сне привидеться не могло то, что приходилось видеть мне, едва я только приближался к этим опасным созданиям. И уж в последние годы...

– А чем отмечены эти последние годы?

– Особой печатью, друг мой Гуннар. Печатью откровенной пошлости и торжествующего цинизма.

– Вальтер, я ни в малейшей степени не намереваюсь обидеть тебя, но позволь всё-таки заметить, что жаловаться на всевластие пошлости стало до такой степени банальным, что...

– Так же превратилось в некую разновидность пошлости? О, не смущайся, безжалостный мой идеалист. Обвиняй меня, обвиняй! Конечно же, в жизни произошло так много чудесных перемен, нам открылись такие необыкновенные перспективы! Ещё лет пять назад мы и мечтать об этом не могли. Впрочем, нет, пять лет назад такие мечты у многих из нас уже были. И вот они исполнились. Осуществились! А что я, старый ворчун? Всё недоволен, и всё мне не так. Исторический шанс, можно сказать – чудо произошло на несчастной нашей земле, и вот мы свободны. И что взамен?

– Вальтер, я чувствую, сейчас ты опять начнёшь рассказывать страшные истории. Ты не возражаешь, если перед этим я пополню запас виски в моём бокале? Видишь ли, с некоторых пор я предпочитаю смотреть на мир сквозь эти милые золотистые очки.

Гуннар поднял бокал вверх и поднёс его к лицу.

– Отсветы огня особенно прекрасны. А запах шотландского дыма так гармонично сочетается с запахом дыма эстонского. Какое замечательное, смолистое дерево подбросил ты в камин!

Тонкая струйка неслышно потекла в бокал. Гуннар поставил бутылку на стол и слегка взболтал виски, продолжая любоваться переходами тёплых, янтарных тонов.

– Ну вот, теперь я готов тебя выслушать.

– Ты уже готов к очередной страшной истории, Гуннар?

– Увы, Вальтер, общение с тобой безмятежным не назовёшь. Начинай уж меня пугать, а не то я решу, что случилось что-то настолько страшное, что даже ты не решаешься об этом говорить.

– Ну, хорошо... Ты, я думаю, кое-что уже слышал об идее «Балтийского коридора» с которой так носятся неугомонные наши чиновники...

– Наши?

– Да, Министерства иностранных дел. Впрочем, и не они одни. Не исключая, что изначально эта идея возникла на правительственном уровне, и только потом переложена на несчастные наши плечи. Но дело не в этом. Некоторым сотрудникам нашего ведомства не терпится

опробовать это самый «коридор», надёжность и универсальность которого они уже успели так широко разрекламировать. И, представь себе моё удивление, когда я узнал сегодня утром, что наша доблестная полиция подозревает нас ни более и не менее как в передаче информации русским! Каково?

– Ну что ж... Подозревать – прямая обязанность полиции.

– Но не нас же! Кроме того, вслед за подозрениями настал черёд и обвинений. Из абсолютно надёжных источников я получил информацию, что в ближайшее время в правительство будет передан доклад, где нас обвиняют, именно обвиняют, в служебной халатности, позволившей русским получить доступ к чрезвычайно важной и конфиденциальной информации. Полагаю, ты уже догадался, что эта информация касается именно «Балтийского коридора».

– Боже мой! Всё так серьёзно?

– Серьёзно? Когда «коридор» полностью подготовлен к работе? Когда всё уже готово к отправке первой партии товара? Да, это очень, очень серьёзно. Трудно даже представить, насколько это серьёзно. И я готов был бы звонить во все колокола и настаивать на отмене отправки или хотя бы на изменении маршрута, даже не имея ни малейшей надежды на то, что хоть кто-то меня послушает, если бы... Если бы не одно обстоятельство.

– Какое же? – с явным интересом спросил Гуннар.

Вальтер заметил, что собеседник его сидит на самом краешке кресла и не смотрит более ни на пляшущие языки пламени в камине, ни на стакан, наполненный виски.

«Странно» подумал Вальтер. «Всё-таки он слишком напряжён. Уж не форсируем ли мы события?»

– Какое? – переспросил Вальтер. – Источник. Источник – вот с чего следует начинать. А вот этот то вопрос в данной ситуации наиболее щекотливый. Информацию об утечке пришла не откуда-нибудь, а из... Москвы.

– Из посольства?

– О, если бы. В этом случае проблем было бы меньше.

– Тогда получается...

– От русских, Гуннар. Именно от них.

– Чёрт возьми! Хорошо, что я почти и не притрагивался к виски, иначе, при всём уважении к старому другу Вальтеру, решил бы всё-таки, что это алкогольный бред. Или я чего-то не уловил? Что-то не понял? Русские передали нам эту информацию в порядке дипломатической любезности?

– Да, вместе с ракетными кодами и ядерным чемоданчиком Ельцина... Нет, конечно! Гуннар, это звучит совершенно невероятно, но информация пришла... по агентурным каналам. Дело в том, что человек, передавший эту информацию... Этот русский.

– Подожди... Я полагал, речь идёт об обмене данными между организациями?

– Похоже, что нет. Насколько я могу судить, речь идёт об одном человеке, а не о группе лиц. И этот человек живёт в Москве и работает в одной из государственных организаций. И передал он это сообщение отнюдь не в рамках дипломатического обмена данными, а скорее, в рамках выполнения задания. Задания по сбору информации...

– О, только, пожалуйста, без этих шпионских историй! Насколько я помню, я уже переболел этим в пятнадцатилетнем возрасте. Мне кажется, изначально речь шла о чисто экономическом проекте. Бизнес и минимум политики. Не так ли? А теперь уже... полиция... агентура... русские. Что происходит? Чем мы в конце концов занимаемся?

– Политикой, Гуннар. В конечном счёте – политикой. Впрочем, то, что в наше время называется словом «политика», в иные, более спокойные времена, назвали бы словом «мошеничество»...

– Ну, не преувеличивай!

– ... Или даже «разбой». В наше время даже пират Унги с острова Хийумаа показался бы безобидным шалуном. Но представь, в каком положении мы оказались?

– Но неужели полиция и в самом деле в чём-то вас обвиняет?

– Нас? Пока что речь идёт об одном из наших сотрудников. По сообщению того самого русского, которому так доверяют полиция, один сотрудников нашего посольства в Москве весьма неосторожно сблизился с представителем российской коммерческой компании, предложившего ему весьма своеобразную сделку. Этот коммерсант, якобы имевший связи в российских таможенных органах, предложил (разумеется, за соответствующее вознаграждение) предоставить сотруднику нашего посольства конфиденциальную информацию о работе таможенных организаций. Например, приказы и распоряжения, которые ещё только находятся в стадии обсуждения, подготовки или только готовятся к утверждению. Персональная информация о сотрудниках таможни. Некоторые особенности таможенного контроля. Информация по делам о контрабанде. Ну всё прочее в этом роде. Полагаю, излишне говорить о том, что сотрудник нашего посольства не задерживал эту информацию у себя, а весьма исправно знакомил с ней своих, так сказать, партнёров...

– И тоже за соответствующее вознаграждение?

– О, Гуннар! И ты становишься циником? Увы, всё в этой истории пропало деньгами.

– Кстати, Вальтер, этот предприимчивый господин... Он состоял в дипломатическом корпусе? Он выполнял дипломатическую работу? Или был техническим работником? Или, скажем, сотрудником коммерческого отдела?

– Позволь мне не уточнять, Гуннар. Он весьма активно занимался коммерцией, и эта активность явно выходила за рамки служебной деятельности. Да, кроме того, и это, видимо, произошло уже на следующем этапе сотрудничества, русский «друг» предложил и свою помощь в решение некоторых проблем, которые возникли у эстонских предпринимателей в России. Оформление товарных партий, пропуск через границу, открытие складов...

– Боже, какая рутина! Джеймс Бонд умер бы от скуки.

– Джеймс Бонд не торговал с Россией, Гуннар. А нам, увы, приходится. Отправка пары вагонов в Россию вполне может превратиться в лихо закрученный детектив с непредсказуемым финалом. А русский «друг» и предложил в качестве особого товара именно предсказуемость. Предсказуемость финала. Это очень серьёзный и очень ценный товар. И, как ты догадываешься, он ни разу не подвёл.

– И, таким образом, заслужил доверие?

– Именно так, Гуннар, именно так. Безграничное доверие. Причём он с лёгкостью решал вопросы, требовавшие вмешательства не только руководства таможни, но и правоохранительных органов. Он помогал нашим предпринимателям выпутываться даже из самых безнадёжных ситуаций. С лёгкостью решал проблемы, которые казались просто неразрешимыми. Добивался снятия ареста с товарных партий...

– Вальтер, я в этом совершенно не разбираюсь. Прошу тебя, не конкретизируй. Кстати, никто из его эстонских партнёров не задумывался о причинах его любезности? Помимо финансовых, должны были бы быть и иные обстоятельства. Ведь, судя по твоему рассказу, этот русский – весьма влиятельный человек. Собственно говоря, почему именно Эстония? Почему он решил продавать свои услуги именно эстонским предпринимателям?

– Представь себе, этот вопрос и точности в такой формулировке был ему задан ещё в самом начале сотрудничества. Ответ был следующим: «Именно на этом направлении я могу быть наиболее полезен. Следовательно, именно здесь я могу больше всего заработать». Кроме того, он объяснил, что и сам занимается транзитными поставками через эстонские порты. Следовательно, он может решать задачи эстонских партнёров, не отвлекаясь от решения собственных задач.

– И это действительно так?

– По данным полиции, этот русский через подставных лиц действительно контролирует несколько эстонских компаний. Но подробности мне неизвестны. Но информация о его бизнесе в Эстонии, которую он предоставил, легко перепроверялась. Следовательно, была доброкачественной.

– То есть он действительно имеет определённые интересы в Эстонии?

– Именно так. Но самое главное ещё впереди. Сотрудник нашего посольства и впрямь слишком расслабился. По крайней мере, если верить всё тому же докладу полиции. Он решил подключить своего русского «друга» к решению вопросов по «балтийскому коридору». И счёл возможным ознакомить его с некоторой информацией, имеющей явно конфиденциальный характер. Хочу подчеркнуть, Гуннар, всё, что я говорил об этом деле до этого момента – проверяется и по линии полиции, и по нашей линии. То есть уставлен факт сотрудничества, совместной работы нашего сотрудника и русского предпринимателя. Наш сотрудник отозван в Таллинн и сейчас весьма активно делится своими воспоминаниями как с собственным руководством, так и с сотрудниками полиции. Но вот информация о разглашении... Она поступила только из Москвы и только от одного человека.

– То есть сотрудник посольства факт подобного разговора со своим русским «другом» не подтверждает?

– Категорически отрицает.

– Ну что же ещё ему остаётся? Итак, один русский передал информацию о другом русском. И что же он передал?

– Если коротко, то этот незаменимый «друг», решавший проблемы наших предпринимателей, занимает весьма высокое положение в одной из российских криминальных группировок. И, кроме того, связан с российскими спецслужбами.

– Что же тут особенного? Влиятельный предприниматель, он же бандит. Логично предположить, что ему затруднительно было бы заниматься не слишком законным своим предпринимательством без покровительства со стороны официальных структур. Пожалуй, это очевидно даже для такого идеалиста как я. Или этот посредник из посольства рассчитывал найти в России кристально честного человека, который специально ради него начал бы давать взятки чиновникам? Как же неожиданно он прозрел!

– Да, Гуннар, теперь твоя очередь иронизировать. Но всё не так просто. Кстати, где твой знаменитый кисет? К запаху смолистого дыма так подходит запах сандала.

Гуннар улыбнулся и, наклонившись, достал из портфеля небольшую коробочку чёрного дерева с лакированной, узорчатой крышечкой. Латунный замочек открылся с тихим, чуть слышным щелчком, и из коробочки извлечён был тёмно-синий шёлковый кисет, туго стянутый витым шнуром. Гуннар развязывал его долго и сосредоточенно. Так, как будто каждое действие было чётко отмерено по времени и движения переходили одно в другое в твёрдо определённой последовательности.

Развязав кисет, Гуннар взял со стола трубку, что лежала на деревянной подставке, и начал неспешно набивать её, слегка придавливая измельчённый табачный лист.

Всё это время Вальтер сидел совершенно недвижно и смотрел на огонь, что так весело прыгал в камине, будто старался весёлой игрою своею отвлечь собеседников от этой серьёзной и временами даже печальной беседы. Длинные оранжевые языки его взлетали почти к самой каминной трубе, словно наскучил огню тесный каменный очаг и ему захотелось прыгнуть вверх, в чёрный опрокинутый колодец трубы, на дне которого в ленивой ночной зыби колыхались и медленно плыли тяжёлые, переполненные дождями осенние тучи. И как будто всё равно было веселому и беззаботному этому огню, встретит ли он по сторону прокопчённого дымохода холодную промозглую ночь, мелкий дождь и серый тяжёлый туман или что-то ещё похуже, отчего и самый тесный очаг покажется чудеснейшим местом на свете. Огонь прыгал вверх, но всё никак не мог вырваться из камина, и сорвавшиеся с неба крупные капли дождя

сквозь дымоход летели ему навстречу – и исчезали бесследно в пламени, не утоляя жажды его, не омрачая оранжевого его веселья.

Серо-синие волны табачного дыма за клубились над столом и запах сандала наполнил комнату.

– Я набил трубку и для тебя, – сказал Гуннар. – Я знаю, ты не куришь, но можно просто подержать её в руках. Это успокаивает и помогает сосредоточиться. Полагаю, рецидива это не вызовет...

– Да, если учесть, я перестал курить два года назад, – ответил Вальтер. – Впрочем, это не трубка, а просто занятное изделие из дерева. Вишня?

– Вишнёвый корень. Красивый рисунок, не правда ли?

– Да, красивый. Увы, Гуннар, я предпочёл бы не успокоиться и сосредоточиться, а успокоиться и отвлечься. И забыть обо всей этой сумятице, что поднялась теперь вокруг нашего ведомства. Да и вообще обо всей этой отвратительной истории...

– Да, так вернёмся к истории. Ты не взял трубку?

– Пожалуй, я смогу обойтись и без неё. Гуннар, я совершенно спокоен. У меня возникло странное чувство отстранённости от всего происходящего. Я бы даже сказал, философского созерцания всех этих нелепых картин бытия. Но, похоже, ты что-то хотел спросить?

– Да, мне хочется уточнить кое-что. Ты знаешь, вся эта история взаимоотношений между сотрудником нашего посольства и этим сомнительным русским «бизнесменом»... Всё это весьма напоминает классическую вербовку. Тебе не кажется? Услуги, услуги... Неужели это не было очевидно с самого начала?

– Видимо, нет. Я просто не хочу предполагать самого худшего.

– Осознанного сотрудничества с русскими?

– Пока у меня нет достаточных данных для подобного рода предположений. Вероятнее всего, по форме это было обычное коммерческое сотрудничество. В конце концов, наш сотрудник вполне резонно мог полагать, что вербовка идёт скорее с его стороны. Ведь вся эта...

– Коррупция?

– Ну, в России свои правила игры. Впрочем, и наши нравы страдают.

– Это ещё мягко сказано, Вальтер. Плохо уже то, что эти правила игры действуют не только в России. Значит, поначалу это сотрудничество не казалось чем-то особенным или примечательным? Просто бизнес?

– Я не владею всей необходимой информацией, Гуннар. Я знаю только то, что мне сочли возможным передать.

– В таком случае у меня осталось ещё два вопроса. Первый: может ли полиция доверять своему источнику?

– Вполне закономерный вопрос. Может сформулировать его и под другому: а можем ли мы доверять полиции, выдвигающей столь серьёзные обвинения против одного из наших сотрудников? Ведь не доверяй полиция своему источнику – едва ли стала бы поднимать такой шум вокруг всей этой истории.

– Хорошо, тогда второй вопрос. А зачем, собственно, ты мне всё это рассказал? Я ведь могу предположить, что именно ради этой истории ты пригласил меня в гости в столь поздний час?

– Ну неужели в первый раз мы проводим выходные в загородном доме?

– Но как правило всё-таки с семьями... Тем не менее, зачем? Тебе ведь нужна помощь?

– Старые друзья всегда догадливы. Да, Гуннар, нужна. Как ты уже заметил, я не могу достаточно убедительно ответить на некоторые твои вопросы. И происходит это по одной простой причине – меня и самого не покидает ощущение некоей изошрённой провокации, в которую нас упорно пытаются вовлечь. Когда я говорю «нас» – я имею в виду не только министерство, но и полицию, правительственных чиновников... В общем всех, кто так или иначе связан

со всей этой историей. Меня весьма настораживает то обстоятельство, что все каналы информации проходят через Москву. То есть надёжность данных каналов в любом случае сомнительна. Следовательно, нам нужны независимые источники информации.

– Независимые от Москвы? Или от полиции? Если они так доверяют своему источнику в Москве...

– Полагаешь, в случае проверки они могут поделиться с ним информацией?

– Они могут дать ему задание, по которому он может сделать вывод, что первичная информация перепроверяется. И если этот источник – агент-двойник, то провокации обязательно продолжатся. Это, конечно, тоже критерий проверки, но ситуация может стать совершенно непредсказуемой. Не так ли?

– Да, Гуннар, пожалуй, стоит воздержаться от официального обмена информацией с полицией. Но вот на частном, так сказать, уровне...

– Так вот зачем я тебе нужен! Я так и полагал, что всё закончится очередной авантюрой.

– Я в безвыходном положении, Гуннар. Мне сейчас не до авантур. Мне просто нужна помощь.

– И какого рода?

– Твои связи с полицией. Это единственное, что может нам помочь. Ты ведь не только курируешь их работу, ты вхож в их круг. Среди твоих знакомых из числа сотрудников полиции наверняка найдутся люди, которые смогут разобраться в этой истории. Пойми меня правильно, речь ведь идёт не о моих личных интересах. После всей этой шумихи впору вообще приостанавливать сделку. Или ожидать самых неприятных шагов со стороны русских.

– С российской стороны кто-то уже обращался с какими-либо предложениями?

– По счастью, пока нет. Но кто знает, что случится завтра.

– Ты хочешь оценить степень угрозы?

– Гуннар, я просто хочу понять, с кем и с чем мы имеем дело. Я хочу понять, с какого рода интригой мы столкнулись. И сейчас ты единственный, кто может мне помочь.

– Не апеллируй к моему альтруизму, Вальтер. В данном случае я тоже являюсь заинтересованным лицом. В конце концов, это ведь и ко мне имеет определённое отношение. Дай-ка минуту подумать...

Гуннар откинул голову на спинку кресла и сидел какое-то время в глубокой задумчивости. Трубка в его руке едва дымила, замирая, словно бы и она задумалась вместе со своим владельцем. В тишине слышен был лишь стук дождя по окнам и шелест листьев на качающихся под порывами ветра деревьях.

Капли стучали по стеклу так, но казалось, что стучат часы. Дождевые часы, отсчитывавшие время едва начавшейся осени.

– Хорошо, – сказал Гуннар. – Пожалуй, я мог бы тебе помочь. Какие материалы у тебя имеются, кроме увлекательных ночных рассказов? Сам понимаешь, нужна конкретика. Имена, должности, контакты... Всё, что есть.

– Теперь подожди, – ответил Вальтер. – Немного терпения.

Вальтер встал и вышел из комнаты. Вернулся он минут через пять с чёрной кожаной папкой, раздувшейся от сложенных в неё бумаг. Папка застёгнута была на замок, отчего толщина её была только заметней.

С минуту Вальтер держал эту папку в руках, словно не решаясь с ней расставаться. И затем решительным жестом положил её на середину стола.

– Здесь всё, что у меня имеется по этому вопросу. Это копии. Но не дай Бог, Гуннар...

– Вальтер, я понимаю о чём идёт речь, – Гуннар улыбнулся и, приподнявшись, потянул папку к себе. – Я всё понимаю. Полагаю, через неделю я верну тебе эти документы в целостности и сохранности и добавлю к бумагам ещё и свои комментарии. Немного виски на сон грядущий?

– Пожалуй, – согласился Вальтер. – Да, Гуннар, ещё одна просьба... Пожалуйста, не копируй. Достаточно моих копий. Информация и так буквально расползается из под пальцев... И ещё... Большое тебе спасибо!

– Через неделю, – ответил Гуннар. – Полагаю, у тебя будет повод меня поблагодарить. Но только через неделю.

– 6 —

03 сентября, 1994, суббота, 01.35, окрестности Раннамыйза

Ночь.

По лесной дороге, занесённой ранним листопадом, проехал белый «Фольксваген Пассат».

Тормоза резко взвизгнули на повороте, острыми красными огоньками вспыхнули стоп-сигналы, номер в бледно-синей подсветке метнулся из стороны в сторону – и, выправившись, машина вновь стала набирать скорость.

– Не гони, Коля, слетим с дороги, – с тревогой в голосе сказал Пётр Сергеевич, схватившись мёртвой хваткой за подлокотник. – Видишь, мотает как. Асфальт влажный...

– Нормально, проскочим, – отозвался Коля. – Да не волнуйтесь, Пётр Сергеич. К отцу родному доберёмся без приключений, минут через двадцать. Я по этой дороге и зимой так ездил. И ничего.

– До поры до времени... Когда товар со склада уйдёт?

– Михеев до среды обещал отгрузить. Если...

Машину резко качнуло.

– Да сбрось ты газ то, не гонится никто! Что «если»?

– Если фура не задержится. Она же под выгрузкой сейчас.

– Вот только задержите мне, только попробуйте! Шеф мне башку оторвёт, а я вам.

– Как же отрывать то будете, Пётр Сергеич? Если сами без головы.

– Для вас уж постараюсь.

– А чего сейчас то вызывают?

– Ты за дорогой смотри... Узнаешь, в своё время.

Слившись в длинную полосу, замелькали выхваченные из темноты светом фар ветви, шатром нависшие над дорогой.

– По шоссе надо было... Не заблудиться бы.

– Сто раз ты ездил. И то...

– Стой, молчи. Телефон вроде? Точно, звенит! Ты куда его положил?

– Где был – там и остался. В пиджаке, наверное.

Пётр Сергеевич, перегнувшись через спинку кресла, пошарил рукой по заднему сиденью. Нашупал пиджак и запустил руку во внутренний карман.

– Точно, телефон верещит. Вот как чувствовал я! Ладно, гони уж!

Коля улыбнулся. Он знал заранее, что Сергеич начнёт паниковать. И обязательно попросит увеличить скорость.

Ведь так было и прежде. Это не первый ночной визит.

– 7-

Поздний вечер.

Ида посмотрела в зеркало. Поправила немного сбившуюся причёску. Улыбнулась сама себе.

«Всё хорошо, глупая, всё хорошо» мысленно успокаивала она себя. «Ты ему нравишься. Он просто без ума от тебя. Честное слово, последние два часа он смотрел только на тебя. Ведь ты уверена в себе, не так ли? Ну, тогда пора!»

Она распахнула дверь и вышла в зал. В полутьме над столиками вспыхивали огоньки сигарет. Звуки едва долетали до неё, ей казалось, что бредёт она в странном тёмном тумане, внезапно заполнившем ночной корабельный бар.

На миг ей показалось даже, что пол качнулся у неё под ногами... Но, впрочем, просто в борт могла ударить волна.

Это только кажется. Или она немного пьяна?

Да, совсем чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы побороть робость. Эту старую и порядком надоевшую подругу-робость; тихую, скромную подружку, что вечно отговаривает от авантюры («ах, нет! это же так опасно!»), опрометчивых связей («но ты же его совсем не знаешь!») и непродуманных поступков («а последствия?!»).

Вечно эта подружка забивается куда-то в тёмный угол, сжимается пугливо там в комочек и советует... Тихим, но отчего то таким ясно различимым даже на самом большом расстоянии шёпотом.

Она и сейчас пытается что-то сказать... Но туман в голове... И сквозь этот туман не прорваться резким, пугливым фразам.

Ида счастлива. Она больше не слышит докучливую свою подругу.

«Всё по другому. Сейчас всё по другому».

– Соскучился?

Ханс улыбнулся. Улыбка получилась какой-то виноватой.

– Не успел. Ты так быстро вернулась. Что-нибудь ещё закажем?

– Да, пожалуй. Какой-нибудь лёгкий коктейль. И...

– Что ещё?

– Может быть, пойдём погуляем перед сном? По палубе?

– Открытой палубе?

– Да, открытой. Прямо под небом. Так, чтобы внизу было море. А сверху – небо. И ветер.

– Ледяной осенний ветер. И бушующее море. В бледных отблесках лунного света.

С непривычки это даже бывает страшно. Ида, милая, неужели тебе хочется простудиться? А завтра придётся рано вставать.

– Ханс, а где же романтика?

– Я много раз ходил на яхте на Аланды и в Северное море через Кильский канал. И один раз с рыбаками, на неделю в открытое море. Поверь мне, всё это сильно отличается от круизных прогулок. И ночная Балтика, особенно осенью... Нет, это не для каждого!

– Но мы же будем стоять на палубе! Это же совершенно безопасно!

– Ида...

– Я не простужусь. Совсем недолго.

Нет, нелёгкое это занятие – спорить с женщиной. А то и вовсе бесполезное.

– Ну, хорошо, – сдался Ханс. – Только действительно недолго. Нам ведь ещё завтра рано вставать. И...

– Что?

– И ещё коктейль. Я закажу?

Она кивнула в ответ. Её охватила вдруг такая неожиданная, внезапная, неизвестно откуда взявшаяся усталость. Полусон... словно она прошла уже под ночным небом, отбиваясь от резких порывов холодного ветра, что подталкивает в спину и хватает за рукава. словно успела уже вдохнуть влажный, настоящий на тяжёлых чёрно-серых волнах морской воздух.

– Всё в порядке?

– Да. Теперь я тебя подожду. Только недолго.

Ханс встал и отправился к стойке бара.

Ида провожала его взглядом до тех пор, пока её внимание не отвлек нарастающий шум у неё за спиной.

Мужчина за соседним столиком неловко взмахнул рукой и задел бокал, что стоял на самом краю стола. Бокал упал на бок, прокатился полукругом, щедро разливая по столу остатки «Хеннеси» – и, задержавшись перед падением на долю секунды, слетел на пол, с коротким и глухим хлопком разбившись на крупные, неровные осколки.

Мужчина продолжал энергично жестикулировать, ничего не заметив. И вдруг, словно заметив или просто ощутив, что произошла какая-то неприятность, пусть мелкая, незначительная, но оттого, наверное, ещё более досадная, осёкся он резко на полуслове, остановился – и посмотрел вокруг, медленно поворачивая голову, лишь на долю секунды задерживая взгляд на лицах людей, что сидели вокруг него. И когда его взгляд встретился со взглядом Иды – она вдруг поняла, что человеку этому отчего-то страшно. Очень страшно. И страх этот не отпускает его ни на секунду, ни на миг, пусть самый малый миг передышки, отдыха, краткого забвения, забытья. Потому так весел он и развязен, что всё это: и громкая, подчас резкая речь его, и размашистые, стремительные движения, и смех, громкий и раскатистый, всё это – только демонстрация веселья, которого в реальности нет и в помине.

И резкий хлопок разбившегося бокала, быть может, даже и не замеченный сознанием, словно лёгкий, но неожиданный и оттого болезненный и неприятный толчок в грудь, выбил несчастного этого человека из шумного, бесшабашного, бездумного и потому спасительного полусна, в который он сам себя так старательно погружал уже кряду три часа.

И страх вернулся к нему снова, словно память в глубоких, болезненных, трескающихся при каждом движении рубцах проснулась вновь – и стоном напомнила вновь о себе.

– Чёрт возьми, – сказал мужчина. – Ребята, посмотрите, тут, кажется, осколки под столом. Надо бы сказать официанту...

Красные домики на сером берегу. Валуны, уходящие в море. Далеко-далеко, так что кажется, будто и само море можно перейти, лишь перескакивая с одного камня на другой. Лишь бы не поскользнуться на мокрых их, тиной заросших спинах. И тогда, там, на другом конце моря...

– Так, тут уже вовсю веселятся, – сказал Ханс, отодвигая кончиком ботинка осколок стекла, закатившийся под их столик. – Надеюсь, эта весёлая компания ведёт себя прилично? В конце концов, это же не «алкогольный маршрут».

– Ты знаешь, этот мужчина... за соседним столиком...

Ида не решалась высказать свою догадку. Ей показалось почему то, что Ханс едва ли воспримет её всерьёз. Он и так упрекал её в чрезмерной мнительности...

– ... Он явно чего-то боится. Как будто чем-то сильно напуган.

– Самый лёгкий коктейль. Только чтобы ты не замёрзла... Что? Что ты сказала, – Ханс замер на мгновение, словно не мог никак сообразить, о ком именно Ида говорит. – Кто напуган?

– Он справ от тебя, – сказала Ида. – За соседним столиком. Сейчас он сидит, но ещё полминуты назад стоял. У него яркий галстук с волнистым рисунком. Ему что-то говорят, но он угрюмо отмалчивается. А минуту назад он был так весел, непрестанно произносил застольные речи и размахивал руками. А теперь он тих и напуган...

– Ну, это уж сущая ерунда, – отмахнулся Ханс и присел за столик. – Кто-то боится летать на самолётах. Один мой британский партнёр так просто впадал в ступор, стоило ему только сесть в пассажирское кресло и пристегнуть ремень. А сразу после взлёта он хватался за подлокотники и замирал, словно античная статуя. И был такой же белый...

– Был?

– О, нет. Он, пожалуй, и сейчас белый, если только летит куда-нибудь. С ним никогда ничего дурного не происходило. Все рейсы были на редкость спокойны. Я летал вместе с ним и в Лондон, и в Стокгольм, и в Копенгаген, и в Нью-Йорк. Мы ни разу не попали в зону турбулентности, ни разу не попали в грозу или в зону сильных ветров. То есть, может быть, и попа-

дали... Да только самолёт каждый раз летел идеально ровно. Да, представь себе, нас даже ни разу не встряхнуло. Разве только при посадке, да и то слегка. Но вот как только я летел без него... Ну, все эти истории я тебе уже рассказывал. А этот везунчик всё равно панически боялся летать. Я даже однажды набрался смелости... или наглости и стал расспрашивать его, не случилось с ним что-нибудь ужасное во время полёта. Скажем, в детстве. Просто какие-нибудь сильные, неприятные и запоминающиеся ощущения. И знаешь, что он ответил? Он сказал: «Ничего!». Вот так.

– А почему он должен быть с тобой откровенен? – спросила Ида.

– Ну мы, вообще то, довольно давно друг друга знаем... Ну хорошо, он не должен быть со мной откровенен до такой степени, чтобы подробно рассказывать мне о своих фобиях. Но, с другой стороны, такой страх всегда, или в большинстве случаев, безоснователен, беспричинен и потому иррационален и контрпродуктивен. Я прав? Cheers, милая мнительная Ида!

– Ты прав, – ответила Ида, поднимая высокий бокал с оранжевым коктейльным зонтиком. – Хотя иногда мне кажется, что совсем уж беспричинного страха не бывает...

– Ты абсолютно права! – воскликнул Ханс. – Но одно дело, когда причина находится вне человека... Кстати, мы недавно опубликовали одно интересное исследование...

– Ханс, я заскучаю и начну капризничать, – прервала его Ида. – Ты обещал мне прогулку.

– Да, да, – согласился Ханс. – И потом тёплую микстуру в постель. Но в каюту мы всё-таки зайдём. За куртками и тёплой кофтой.

– 8 —

03 сентября, 1994, суббота, 05.35 утра, Таллинн

В ту субботу, третьего сентября, Вильяр проснулся очень рано.

Солнце ещё только вставало и в комнате был предрассветный сумрак, из которого едва проступали очертания предметов, что были в спальне. Высокий, по-шведски стройный гардероб с его прямыми углами и точно прочерченными линиями расплылся в полутьме, отчего стал похож на старомодный пузатый шкаф, что стоял когда-то в доме у бабушки Вильяра (шкаф тот был очень древний, и, осознавая почтенный возраст свой, ужасно важничал, выпирая огромное, но изрядно уже потёртое брюхо едва ли не до середины комнаты, загоняя и гостей, и хозяев к узкому проходу у самой стены).

Круглый пуфик у окна стал вдруг больше раза в два и стоял таким вот диковинный шаром, готовым в любой момент оторваться от пола и легко взлететь к самому потолку.

«Как странно выглядит всё на рассвете» подумал Вильяр. «Цвета не различимы, линии не чётки. Графика с нечёткими, туманными штрихами. Когда самый кончик карандаша едва прикасается к бумаге... Ах, да! У меня же сегодня встреча с искусством. Я сегодня иду в Нигулисте. Я так люблю... органную музыку. А Дмитрий, я полагаю, очень любит деньги... Или он следует каким-то принципам? Нет, пожалуй, надо окончательно проснуться. Холодный душ, минут на пять. Голова заработает как компьютер».

Он встал (медленно, чтобы не разбудить Лиизу, что, по счастью, так и не проснулась от тихого писка будильника), перегнувшись, нащупал и достал тапочки (два мохнатых зайца с ушами, похожими на вытянувшиеся лопухи) и, шлёпая подошвами по полу, вышел из спальни.

Тот день и вправду был особенный. Вильяр почувствовал это... Да что там почувствовал, нет, не так! Это «что-то» появилось вместе с рассветом, с самыми первыми лучами этого дня.

Вода, обычно такая обжигающе ледяная, что струи её могли бы пробудить и от летаргического сна (честно говоря, Вильяр не пробовал пробудить спящих подобным сном, но на себе неоднократно проверял действие утренней ледяной воды), но в то утро лёд куда-то исчез,

и тугой, упругий поток из душа показался Вильяру не намного холоднее летней речной воды (да, вспомнил некстати... или кстати?.. конец июля, пляж в Пирита, сосновый лес вдали... беззаботное время было... целых две недели, кажется... или всего полторы?).

«Дмитрий Игоревич Симаков» думал Вильяр «одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года рождения... сотрудник охранного агентства „ЭннеТурв“... рост метр семьдесят восемь, глаза серые, волосы русые... о, я, кажется, начиная замерзать. Не холодно, совсем не холодно. Это просто удивительно, насколько не холодно! Лёгкий светло-серый плащ, серые брюки... светлый галстук с тёмно-синей полоской, очки, тёмный кожаный портфель. Всё помню. Осмотр именно в таком порядке: плащ, брюки, галстук, очки, портфель. Прогулка, очень удачно. Он любит подбирать цвета в тон. Цвета сдержанные, ничего яркого и кричащего. Хорошо, не выделяется. Суббота, в Старом городе будет много людей. Много встреч, пути пересекаются. Небольшая прогулка не повредит. Заодно проверим, не „ведёт“ ли его кто. Всё, хватит! Полотенце, почистить зубы, побриться – и вниз. К гаражу.»

Для бритья он развернул ручку крана, прибавив горячей воды. Так, чтобы пар поднимался над раковиной.

Горячая вода размягчила щетину и бритва легко заскользила по щекам, снимая пушистую пену. Полоску за полоской. И чувствовалось, что каждое движение всё сильнее и сильнее разгоняет кровь, так что щёки зарделись ровным, густым румянцем и сердце поднялось почти к самому горлу, так что и стук его отдавал уже где-то в висках.

Он медленно набрал воду в сложенные лодочкой ладони и осторожно приложил их к щекам. И, выждав с полминуты, пока пощипывание не стало едва заметным, отнял ладони и посмотрел на них. Ему вовсе не хотелось порезаться или ненароком пройтись лезвием бритвы по какому-нибудь незаметному наросту на коже. Не хотелось бы в такой день увидеть свою собственную кровь. Пусть даже это кровь от случайного пореза.

Не то, чтобы Вильяр верил в дурные знаки или вовсе не выносил вида крови или слишком уж трепетно относился к своему здоровью.

Просто по странному наитию (либо уже сработало тут резко обострившееся профессиональное чутьё) он почувствовал, что именно этим утром открывается новая глава и в его жизни. И, пожалуй, грядущие перемены в судьбе его едва ли так безопасны для него, как были все прошлые перемены в его жизни. И едва ли жизнь его, единожды изменившись в этот день, сможет вновь вернуться в прежнюю колею.

Не стоило, конечно, рассчитывать на слишком уж спокойную жизнь при его работе. Но сейчас явно это были не просто перемены, пусть даже самые неожиданные...

«Перелом» подумал Вильяр. «Разрыв. Так бывает. Жизнь проходит. Спокойно или не очень. Событие за событием. А потом... Что-то заканчивается. Сначала даже и не осознаёшь, что именно. Кажется только – что-то случилось. Не слишком значимое. И только потом именно это „незначимое“ становится точкой... Точкой отсчёта... Чего?»

Ладони были чисты. Сегодня он побрился удачно. Ни единого пореза.

«Чего? Что именно приходится отсчитывать?»

Он закрыл кран.

Аккуратно приложил полотенце к лицу.

«Потом что-то начинается. Отсчёт: секунд, минут, часов, дней. Событий. Людей, что проходят мимо тебя. И иные из них... Исчезают. Чёрт, что за мысли лезут мне в голову! Слишком философское настроение. Не к добру. Философия – поиск компромисса с судьбой. Это не средство для достижения успеха. А мне нужен успех. Сегодня мне очень нужен успех! Сегодня мне особенно нужен успех! Сегодня вечером у меня будет результат. Обязательно будет. Если только...»

Он протёр кожу одеколоном. Вышел из ванной. Выключил свет.

«...Если только он вообще придёт. Ведь это тоже возможно. Что я знаю о нём?»

Одевшись, Вильяр подошёл к окну.

Было уже совсем светло («семь часов тридцать пять минут» отметил Вильяр). Сквозь лёгкую, быстро рассеивающуюся дымку на небе светило бледно-жёлтое, холодное осеннее солнце. Над улицей, сорванные ветром с деревьев, летели листья, словно они разбужены были холодом на рассвете, на самой границе ночи и едва наступившего дня – и от быстрого, резкого пробуждения этого сорвались они с прежних своих, привычных мест, и летят теперь один Бог знает куда и разве только Он и знает, где оборвётся полёт их и где суждено им лечь. И лежать ли им там до снега или лететь вновь на новое место...

На асфальт, на землю, на капоты и крыши машин – падали жёлтые, красные, с уходящей, едва заметной уже зелёной краскою прошедшего лета, с шелестом, теплом остывающим, горчинкой терпкого сока, с обратным отсчётом («сколько там до весны?»), с другой стороны тёплого времени – падали, осыпали, всё больше, больше и больше.

А ведь осень только в начале.

Но бывает так, что приходит она уже в конце августа.

И потом приносит и первый снег в октябре.

Время терпения. Время анализа. Сосредоточенной работы мысли.

Это время не любит слишком резких движений. Маятник осени движется ровно и мерно.

Время мерить, время взвешивать. Именно сейчас.

Вильяр задёрнул шторы и отошёл от окна.

Сейчас ему надо посидеть в кресле минут десять-пятнадцать. Спокойно всё обдумать, проанализировать ситуацию и окончательно оценить сложившуюся обстановку и степень выгоды или же наоборот, опасности предстоящего контакта.

Обязательно сейчас, за несколько часов до начала встречи.

Оценить степень возможного выигрыша и факторы угрозы. И возможные признаки подставной встречи.

Итак...

«Что мы знаем о нём?»

Дмитрий Игоревич Симаков. Сотрудник охранного агентства «ЭннеТурв». Женат, двое детей. Курит, пять-семь сигарет в день. Любит сухое красное вино, употребляет алкоголь весьма умеренно. Гетеросексуален. Фактов употребления наркотиков не зафиксировано. Внебрачные связи отсутствуют. По крайней мере, на момент проверки.

Это из его персонального файла.

Должность – заместитель директора агентства, в охранным бизнесе с марта девяносто второго года. Неплохо владеет английским языком, по эстонски говорит довольно плохо. По роду деятельности не связан с информацией, являющейся секретной или совершенно секретной. Соответственно официальный допуск к данной информации отсутствует.

Работает в интересах коммерческих организаций, с государственными структурами служебные контакты не зафиксированы.

Но... С другой стороны, можно ли быть абсолютно уверенным в отсутствии доступа? По крайней мере, судя по его информированности...

Стоп! Охранное агентство... С улицы, положим, туда не берут. Работает он там с девяносто второго года. А чем занимался до того? До того... До девяностого года – служба в армии... Да, разумеется – советской. Военское звание – капитан. Войска? Подробности отсутствуют, здесь в досье пробел. Да, Россия такой информацией не поделится, а в наших архивах едва ли что можно найти. Всё или уничтожено или вывезено в Россию. А если всё-таки пока на территории Эстонии? Русские пока не всё эвакуировали?

Хорошо, можно поискать. Но это – на перспективу.

Но что известно сейчас?

Данные следующие (заметим – нуждаются в проверке): служил в Палдиски, охрана береговой базы. Что было в Палдиски? Учебный реактор, центр переподготовки моряков-подводников, база военного флота, база подлодок, полигон, стрельбище. Ещё – военный городок и офицерские общежития.

Точное место службы? Неизвестно, надо уточнить.

Имел ли доступ к секретной информации? Если имел, то с какими именно документами работал? Делал ли копии, выписки, запомнил ли что-нибудь?

Проверка не проводилась.

Поддерживает ли связь с сослуживцами? Делятся ли они с ним информацией? Готов ли он продолжать контактировать с ними после закрытия базы в Палдиски?

Это тоже пока не проверялось. Хорошо, оставим на будущее.

Он ведь и сам что-то хочет сообщить. И похоже, эта его инициативы совершенно не связана с его прошлой службой в армии.

Хорошо, продолжим.

В конце девяностого года он демобилизуется и переезжает в Таллинн.

В Таллинн? Но не с обменом же квартиры... Кстати, какая у него сейчас квартира? Ну-ка, вспомним... Четыре комнаты, в районе Ыйсмяе. Неплохо.

А где он жил в девяностом? Так, вспомним, где он тогда жил...

Там же. Он живёт там с девяностого года.

Так, это уже интересно. Не с помощью же обмена он перебрался. Да в девяностом году Палдиски был закрытым городом, едва ли он смог бы обменять свою квартиру в военном городке на квартиру в Таллинне. Это и сейчас крайне сложно сделать, разве только со следующего года проблем особых не будет. Но и тогда из Таллинна в Палдиски едва ли кто-нибудь переехал бы без доплаты.

Так как же он перебрался? И почему так вовремя уволился в запас?

Откуда то нашлись деньги на квартиру. У простого капитана с КПП?

Кстати, флотское у него звание или нет? Почему не капитан-лейтенант?

И только ли на контрольно-пропускном пункте он служил? Кому он подчинялся? В каком именно подразделении он служил?

А может быть он... Особист? Особый отдел?

Военная контрразведка – епархия КГБ. Не из тех ли краёв он пришёл?

Какое именно училище он заканчивал? Не обучался ли он, скажем, в Горьком?

О, может быть, и в Москве? Там, на юго-западе...

Нет данных. Отсутствуют. Хорошо, пока не будем домысливать.

В середине августа по собственной инициативе он вошёл в контакт с одним из легализованных сотрудников полиции безопасности, предложив передать эстонским спецслужбам информацию чрезвычайной важности. По его словам, на территории Эстонии действует агентурная группа, связанная с одной из российских спецслужб...

«Какую именно спецслужбу вы имеете в виду? ФСК? СВР? ГРУ?»

«Я должен конкретизировать?»

«Нам необходимо провести оценку информации...»

«Я не сказал, что эта спецслужба – государственная. По сравнению с советскими временами положение в России несколько изменилось. Разве подобная деятельность должна замыкаться на формальных структурах? Это не слишком удобно.»

«Поясните, Дмитрий.»

«Охотно. Что делает службу специальной? Задачи. И специфика работы. То есть – методы, способы, технологии.»

«Можно ещё добавить – цели. Например – воздействие на ситуацию. Влияние на неё. Но мы, кажется, уходим в дебри философии.»

Цифровая запись без единого постороннего шума. Почти стопроцентная фильтрация (а ведь разговор записывался на улице, и движение там было довольно интенсивным). Но при прослушивании Вильяру всё время казалось, что он слышит какие-то хрипы. Он знал, что использование направленного микрофона совместно с системой подавления помех практически полностью исключает подобные дефекты записи. И потому он долгое время ломал голову и никак не мог понять – откуда же эти взялись эти странные звуки. И только потом сотрудник, связывавшийся с Дмитрием, объяснил ему, что русский «друг» во время беседы явно был взволнован и дышал потому часто и глубоко, время от времени делая резкие выдохи, похожие на глухие хрипы.

Вильяр и сам не мог понять, отчего именно эти хрипы так сильно действовали ему на нервы и всякий раз, едва он вспоминал прослушанные им аудиофайлы с записью бесед (их и было то всего три, после третьей Дмитрий потребовал постоянного связного), его охватывало какое-то смутное, логически совершенно не объяснимое, но при этом совершенно чётко ощущаемое беспокойство (словно чужой страх странным образом фиксировался прослушивающей аппаратурой и воспроизводился потом точно так же как и звук).

Что-то не так... Да, он волновался. Это вполне естественно. И столь же естественным было напряжение в голосе. И ещё... Да, именно это. Неестественность.

«...И так же ваши мотивы».

«Мотивы? Надеюсь, вы не будете настаивать на полной откровенности?»

«Для начала мне хотелось бы убедиться в серьёзности ваших намерений».

«Я иду на контакт с вами. По своей инициативе. Это не доказательство?»

«Не все мои коллеги склонны доверять инициативникам. Так, кажется, ваши спецслужбы называют тех, кто подобно вам активно предлагает свои услуги. Иногда активность настораживает. Ведь что-то побуждает вас к подобной активности? Не так ли?»

«Ну что ж... Что-то действительно побуждает. Например, сложное материальное положение. Желание подзаработать, проще говоря».

«Проблемы в бизнесе? Или предстоят крупные покупки?»

«Я вам расскажу... расскажу всё... и очень подробно. Но позже. Пока я могу сказать со всей определённостью... Положение действительно весьма неприятное. И ещё... Оно настолько неприятно, что мне не помешало бы и просто исчезнуть...»

«Простите?»

«Исчезнуть. Пропасть. Вы понимаете?»

«Да, понимаю. И для этого вам нужен надёжный канал, по которому вы бы могли уйти? Надёжные документы? И тихое место для спокойного отдыха? Я прав?»

«Да, всё так. Мне нужны ваши возможности. Или возможности ваших партнёров».

«Так, кажется, мы постепенно переходим к обсуждению ваших условий. Вы считаете, что информация и услуги, которые вы можете предложить, стоят того, чтобы не только оказать вам некоторую материальную помощь, но и организовать ваш переезд и... Даже подключить партнёров? Именно так? Но партнёров надо заинтересовать. Да и нас тоже. И если наши потребности довольно скромны... хотя и возможности тоже... то с партнёрами ситуация сложнее. Информация, которая может их настолько заинтересовать, должна иметь... скажем, стратегический характер. Условно говоря, не количество рядов колючей проволоки на Пакри и не дни недели, по которым проводились учебные стрельбы на островах. И даже не фамилии сотрудников КГБ, легализованных в Эстонии. Такая информация интересна и по своему важна. Но, согласитесь, не настолько важна, чтобы тратить чрезмерные усилия на устройство вашего быта где-нибудь в тихой европейской стране. Или Европа слишком близко?»

«Да, пожалуй, слишком близко...»

«О, да ваши проблемы и впрямь серьёзны. Расстояния не всегда спасают, Дмитрий. И ран душевных уж точно не лечат».

«Зато иногда избавляют от физических. Так значит, вам хочется оценить серьёзность предложения?»

«Да, хочется. И потом мы можем поговорить о цене».

«Хорошо. Тогда договоримся о следующем. Прежде всего мне нужен канал связи. Постоянно функционирующий, безотказный канал связи. Ещё нужен посредник. Между мною и вашей... организацией. После того как эти вопросы будут решены, я сообщу о своей готовности передать часть информации, которой я располагаю. Заметьте, я сделаю это совершенно бесплатно. Нечто вроде аванса, дабы заслужить ваше доверие».

«Инициативник, предлагающий аванс? Дмитрий, честное слово, вы только усиливаете мои сомнения».

«Решение всё равно принимать вам. Вернее, вашему руководству. А вот на следующем этапе... Если, конечно, дело до него дойдёт... На этом этапе вы и примете решение об оплате моих услуг. Полагаю, посоветовавшись со своими партнёрами».

«Вы так уверены в ценности своей информации?»

«Абсолютно. А пока... Когда будете обсуждать со своим руководством кандидатуру посредника, пожалуйста, не предлагайте свою. Ради бога, только не это».

«Почему? Что-то не устраивает?»

«Да, всего одно обстоятельство. Вы же были удивлены, Лартс, отчего я так уверенно на вас вышел...»

«И отчего же?»

«Вы „засвечены“. Это единственная причина. А на следующей нашей встрече наверняка „засвечусь“ и я. После этого в лучшем случае мне придётся перебираться в безопасное место без вашей помощи. А в худшем... Кстати, вот вам и доказательство моей информированности. Доказательство того, что я не случайный человек в этой системе. Ведь мой запрос... по адресу? Я ведь точно знаю, с кем говорю, не так ли?»

«Хорошо, Дмитрий. Вы знаете, кто я. Я не знаю, но могу предполагать, кто вы. У вас есть определённая информация. И вы полагаете, что она может нас заинтересовать. Думаю, есть смысл проверить. Посредник, канал связи... Эти вопросы вполне можно решить. Предупреждаю сразу, посредник не будет кадровым сотрудником».

«Мне всё равно. Вы просто должны ему доверять. Этого достаточно».

«Да, это будет лояльный нам человек. Пользующийся нашим доверием. А теперь техническая сторона. Посмотрите на автомобиль, на котором я приехал. Запомните марку, цвет, номер. Вы видите номер? Если хотите, можем прогуляться и подойти поближе».

«Я вижу... Да, вижу хорошо. У меня вообще очень хорошее зрение».

«А память?»

«И память».

«Замечательно. Тогда слушайте и запоминайте. Завтра в восемь вечера я припаркую её на стоянке недалеко от вашего дома. Ровно на пять минут. Из окон вашей квартиры видно можно разглядеть парковку?»

«Нет. Она закрыта гаражами.»

«Это оживлённое место? Там много людей вечером?»

«Люди возвращаются с работы... Но... Я их всех знаю. Знаю в лицо. Либо друзья, либо соседи. Автомобилистов, имеющих собственный гараж, у нас в доме не так уж много. А вообще место спокойное.»

«Вы часто ходите к гаражам в это время суток?»

«Ну скажем... Периодически. Машину проверить, из гаража выгнать».

«Хорошо, Дмитрий. Полагаю, ещё одна встреча не будет для вас слишком опасна. Со своей стороны могу дать обещание, что лично со мной вы встретитесь в последний раз. Причём при любом варианте развития событий. Ровно в восемь будьте на стоянке. Я остано-

люсь недалеко от вашего гаража. Ровно на пять минут. И не секунды больше. Ваше отсутствие я буду расценивать как отказ от продолжения контактов. Думаю, в ваших интересах со мною встретиться...»

«Я буду. Ровно в восемь».

«Простите, Дмитрий, но иногда приходится быть немного занудным. Вы подходите к машине, садитесь на переднее сиденье, рядом со мной. Я передаю вам мобильный телефон. На кнопке „2“ запрограммирован номер...»

«Простите, не понял».

«Когда созреете для продолжения контакта, нажмите на кнопку „2“ и держите, не отпуская. Секунды три, не больше. Номер запрограммирован, набор автоматический. Дождавшись соединения и ответа оператора, сообщите, что готовы к встрече. Потом отключитесь. Примерно через полчаса вам перезвонят и сообщат место встречи, время встречи и приметы связника. После этого вы отключаете телефон и вынимаете из него аккумулятор. На встрече вернёте телефон связнику. Дальнейшие инструкции будете получать от него. Ему же и изложите подробно свои предложения. И все свои соображения... относительно вознаграждения. И ещё... На встрече и при всех возможных контактах... Никаких телефонов, никаких диктофонов, никаких „жучков“ и передающих устройств...»

«Боже упаси!»

«Именно, Дмитрий. И ещё помолитесь, чтобы кто-нибудь не засунул вам микрофон за подкладку. Если всё так серьёзно как вы говорите...»

«Утверждаю, что очень серьёзно!»

«... В этом случае ваша информация уйдёт очень, очень высоко. Но если вы, используя нашу заинтересованность в ваших связях или вашей информированности, начнёте вести не вполне честную игру... Вы понимаете, какого рода проблемы у вас возникнут в этом случае?»

«Да, вполне».

«Надеюсь, вы и в самом деле настроены на сотрудничество».

«А у меня нет другого выхода, Лартс. Ваш... человек...»

Вот здесь, именно в этом месте хрипы стали особенно явственно слышны. Вильяру даже показалось, что у Дмитрия началась одышка... Или просто комок докатил к горлу?

«... Ваш человек это поймёт. Поймёт, когда я начну излагать свои условия. Нет, пока не могу... Мне надо собраться. Решиться. Давайте вечером... Я буду. Ровно в восемь вечера. Давайте...»

Всё, на этом запись оборвалась. Дмитрий ушёл. Как говорил Лартс – неожиданно замолчал, махнул рукой и быстро пошёл прочь. Не оглядываясь. Смотрел прямо перед собой. Правую руку засунул в карман плаща, левой махал в такт шагам. Голову держал высоко. Шаг решительный, быстрый...

«Не суетился» отметил Лартс. «Чувствуется, мужик сильный, волевой. Не из пугливых. И к истерике не склонен. Соображает неплохо. Но чего-то всё-таки боится... И здорово боится! У таких людей мышление рациональное и к беспричинным страхам он явно не склонен. Не темноты же он боится и не чертей под кроватью!»

«Тогда чего?» спросил себя Вильяр.

И открыл глаза.

Чего?

Пора!

Вильяр встал и открыл шторы. Прикрыл ладонью глаза, защищая их от плеснувшего в лицо яркого света. Утренние облака растаяли под солнцем, и небо, кроткое голубое небо глядело сверху на просыпающийся город.

«Бабушка когда-то говорила» вспомнил Вильяр. «Ангелы ночью умывают солнышко. И укладывают его спать. И райской росой моют небо. Потому оно каждый день как новое. С самого сотворения мира... Лииза всё ещё спит. Это хорошо. Пусть выспится. А я уехал... по делам. У меня сегодня много работы. У меня сегодня очень длинный день».

Вильяр вышел в коридор, надел куртку. На ходу подхватил портфель, что приготовлен был заранее, с вечера, и на минуту остановился у двери. Прислушался, надеясь уловить чуть слышное, ровное дыхание спящей Лиизы.

И повернул ручку замка лишь после того, как звук этот, слабый, едва различимый, быть может призрачный, но такой милый, родной, такой знакомый – долетел до него.

«Сладких снов» пожелал Вильяр.

Едва только закрыл за собой дверь.

– 9 —

21.06.1994, вторник, 13.40, Санкт-Петербург

– Ну и цены у вас в Питере! Не угонишься! Это ж надо – три тысячи за тарелку супа!..

– Так это смотря где питаться, Захар Петрович. Ежели в ресторане...

– Да где там в ресторане! Вон, в кафешку какую-то зашёл по дороге. За полный обед, ну там – первое, суп, стало быть, второе, компот, за всё это – под шесть тысяч, и это ведь, считайте, без мяса почти. Второе – жаркое, так написано. А где там мясо? И нет почти, кусочек – еле виден. Жаркое... Какой уж ресторан! В ресторан и не суюсь.

– У вас то, в Нижнем, с ценами полегче ситуация?

– Да тоже не очень. Но с вашими не сравнить. Мне на мои командировочные тут как раз неделю протянуть.

– Проблемы у вас с финансами?

– Да как сказать...

– Как есть.

– Да у кого их нету?

– У всех есть. У кого-то больше, у кого-то меньше. А у вас в конструкторском бюро как? Зарплату не задерживают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.